**Актуальные проблемы правоведения
в современный период**

Часть 3

Томск - 1998

Томский государственный университет

**Актуальные проблемы правоведения
в современный период**

Часть 3

под редакцией доктора юридических наук

В.Ф.Воловича

Издательство Томского университета

Томск - 1998

Актуальные проблемы правоождения в современный период:
Сб.статей. Часть 3 / Под ред. В.Ф.Воловича. - Томск: Изд-во
Том.ун-та, 1998.- .- 500 экз. 1202000000.

В сборник включены статьи преподавателей, научных
сотрудников и аспирантов юридического института ТГУ и
юридических факультетов других университетов Западной
Сибири. Статьи посвящены актуальным вопросам государства и
права, авторами использована практика деятельности
законодательных, исполнительных и судебных органов,
анализируется применение Конституции РФ 1993 года,
законодательных и иных нормативных актов, вносятся
предложения по повышению эффективности правового
регулирования.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших
юридических учебных заведений, а также практических
работников.

А 1202000000
177(012)-97

© Томский государственный университет, 1998

ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

Н.В. ШЕДРИН

Меры безопасности (защиты) являются межотраслевым правовым институтом. Однако ни одна из отраслевых наук должным образом не исследует этот правовой феномен, а общая теория права сегодня по существу является теорией юридической ответственности. Меры безопасности - одно из важнейших средств контроля над преступностью, тем не менее и криминологическая наука не включает их в свой предмет. Роль и место мер безопасности в системе сдерживания преступности можно лучше понять через их классификации - систематизированное распределение на определенные группы, классы, разряды на основании их сходства и различия по одному или нескольким признакам.

Первая группа классификационных оснований связана с природой опасности: меры безопасности относительно природных, антропогенных и смешанных природно-антропогенных источников. Значительная и быстро растущая доля источников опасности имеет антропогенное происхождение. К ним относятся определенные свойства самого человека (жестокость, корысть, психическое или инфекционное заболевание), его деятельность или продукты этой деятельности.

Меры безопасности могут быть направлены на сам источник опасности, изолируя и ограничивая его вредное воздействие, - меры пресечения, либо на ограждение объекта защиты от внешних источников опасности - меры охраны.

В свою очередь, меры пресечения классифицируются в зависимости от вида источника опасности: пожарной, радиационной, технической и т.п. Меры охраны также можно подразделить по виду объекта охраны: меры защиты физических, юридических лиц, меры национальной, государственной, международной безопасности.

Встречаются и смешанные подходы, ориентированные одновременно на пресечение и на охрану. Кроме того, один и тот же объект в одних случаях может быть объектом охраны, а в других - источником опасности. Так, малолетние и несовершеннолетние, в силу своей социальной, интеллектуальной, психологической и эмоциональной незрелости представляют угрозу, а потому общество ограничивает их возможности вступления в определенные отношения, но, с другой сто-

роны, по этой же причине они нуждаются в особой защите.

Всякий объект многогранен и имеет множество свойств, которые нуждаются в защите. В соответствии с этим, например, можно выделить меры физической, психологической, генетической, репродуктивной, интеллектуальной, духовной, политической, имущественной, предпринимательской, информационной, трудовой, потребительской безопасности человека. Или, например, можно выделить меры геополитической, экономической и территориальной безопасности нации. Подобным образом можно дать подробные классификации мер охраны многочисленных полезных свойств любого другого объекта.

В зависимости от урегулированности нормами права меры безопасности подразделяются на две большие группы: правовые и внеправовые. Первые ущемляют конституционные права и свободы личности, а потому должны быть урегулированы правовыми нормами, вторые не представляют большой социальной значимости и регулируются моралью, обычаями, традициями и другими социальными нормами.

Все правовые меры безопасности делятся на правомерные и противоправные. Наглядным примером последних является охрана своего сада при помощи неизолированного провода, к которому подключен электроток высокого напряжения.

По отрасли законодательства, которой они регламентируются, меры безопасности можно подразделить на международно-, конституционно-, гражданско-, семейно-, эколого-, земельно-, административно-, уголовно - правовые.

Так же как и меры юридической ответственности, меры безопасности классифицируются на материальные и процедурные (процессуальные). Четкое разделение по этому признаку пока проводится лишь в гражданско-правовой и уголовно-правовой отраслях. В других отраслях законодательства материальные и процедурные меры безопасности кодифицированы вместе, либо их специфика вообще слабо выражена и они используются в едином взаимосвязанном "пакете".

В зависимости от уровня действия, меры безопасности делятся на общие и специализированные и индивидуальные. Например, ограничения, установленные на оборот оружия, касающиеся всех граждан Российской Федерации, - это общие; ограничения для лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, - специализированные; а решение относительно конкретного лица, не достигшего возраста ответственности, - индивидуальные меры безопасности.

СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.К.Музеник

Проблема понятия, содержания, форм уголовной ответственности всегда привлекала повышенное внимание исследователей. В последние годы работа в этом направлении еще более активизировалась. Появился ряд публикаций, в которых предпринята попытка более детально проанализировать это социально-юридическое образование, под иным углом зрения рассмотреть факторы, определяющие содержание и механизм уголовной ответственности, обосновать теоретическую состоятельность и практическую ценность позитивного аспекта указанного вида ответственности (см., например, работы В.С.Прохорова, Н.М.Корпачева, А.Н.Тарбагаева, И.Э.Звечаровского, Б.Т.Разгильдиева и др.). Научная и практическая значимость теоретических разработок и сформулированных на их основе выводов и предложений представляет значительный интерес, поскольку позволяет по-новому оценить многие положения теории уголовного права, приблизить к пониманию фундаментальных основ нормативного выражения отдельных его институтов, целей и задач, что, в свою очередь, оказало определенное влияние на решение отдельных вопросов, возникавших в ходе подготовки и принятия нового уголовного законодательства.

Вместе с тем, учитывая сложность и многоаспектность рассматриваемого правового образования, вряд ли можно говорить о завершенности ее научной разработки. В этом плане прежде всего представляется целесообразным обратиться к принципиальным теоретическим положениям, которые заложены в основу понимания самого существа уголовной ответственности.

1. В юридической литературе однозначного понимания сущности, содержания уголовной ответственности не сложилось с того самого момента, как только эта проблема стала предметом научного анализа. На сегодняшний день можно выделить несколько позиций в понимании уголовной ответственности, каждая из которых с большей или меньшей степенью полноты отражает глубинные свойства этой уголовно-правовой категории: ее рассматривают и как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения, и как предусмотренные законом неблагоприятные для лица, совершившего преступление, последствия, выраженные в осуждении, сопряженном с наказанием и судимостью либо не сопряженном с ним, и как уголовное правоотношение в целом, и как

поричание преступника и др. Не вдаваясь в подробности аргументации приведенных взглядов на уголовную ответственность, отметим лишь нечто общее, что объединяет эти позиции. Прежде всего уголовная ответственность не может иметь места вне уголовного правоотношения. Кроме того, она всегда включает в себя лишение лица какого-либо объема объективно принадлежащих преступнику благ (прав и свобод) и имеет строго фиксированные временные рамки своего существования.

Вместе с тем анализ литературных источников позволяет сделать вывод о целесообразности более четкого выделения в рассматриваемом уголовно-правовом явлении таких его компонентов, как сущность и содержание. В юридической литературе эти понятия нередко отождествляются, в связи с чем в вопросе о понятии уголовной ответственности наметилась тенденция известного противопоставления, или, точнее сказать, параллельного сосуществования собственно уголовной ответственности (в чистом виде) с уголовным наказанием, равно как и с иными мерами уголовно-правового характера.

Довольно обстоятельно эта идея была развита в работах А.Н.Тарбагаева, который вслед за /И.С.Ноем и В.С.Прохоровым обосновывает положение о том, что уголовная ответственность и наказание - тесно взаимосвязанные, но самостоятельные институты уголовного права. Основные доводы в защиту этого тезиса сводятся к тому, что уголовная ответственность - это отрицательная оценка преступления и лица, его совершившего, а также психологические, нравственные переживания, с ней связанные, и потому она (оценка) является лишь необходимым условием назначения наказания и сопровождает его в процессе реализации. Содержанием же уголовного наказания являются провоограничения материального либо личного характера и их переживание.

2. В свете сказанного нетрудно обнаружить, что "сопровождение" уголовного наказания уголовной ответственностью - это процессы, которые идут рядом друг с другом, но не имеют точек пересечения. Видимо, понимая это, автор далее вынужден все-таки заявить, что назначенное и отбываемое наказание - один из показателей того, что уголовная ответственность реально существует и претерпевается. В таком случае возникает вопрос, в чем заключается "сопровождение" иных мер уголовно-правового характера (например, условного осуждения) уголовной ответственностью и в чем проявляются показатели ее реального существования, если автор развиваемого выше положения поставил знак равенства между уголовной ответственностью и судимостью. Только ли в реальном назначении наказания?

Полагаем, что более рельефное представление об уголовной ответственности как многослойном структурном образовании можно получить, если иметь в виду, что выраженная в приговоре суда отрицательная оценка (осуждение) преступления и лица, его совершившего, есть не что иное, как проявление сущности уголовной ответственности. Само по себе осуждение лица - это акт его опорочивания, опозоривания, умаления его чести и достоинства как человека и гражданина, обусловленный применением различных мер государственного принуждения и потому являющийся внутренним неотъемлемым свойством уголовной ответственности. Однако с учетом того, что по своему характеру, объему и содержанию применяемые меры государственного принуждения не являются однопорядковыми, уголовная ответственность по своей сути является правовым образованием, которое включает в себя две взаимодействующие между собой структуры, одна из которых обладает принудительными элементами со свойствами кары, а другая такими не обладает.

Исходя из этого содержанием уголовной ответственности является совокупность правовых ограничений и установлений, свойственных как карательному структурному образованию, реализуемому в форме уголовного наказания, так и некарательному ее образованию, воплощаемому в формы "иных мер уголовно-правового характера". На наш взгляд, этот вывод вполне согласуется со смыслом ч.2 ст.2 УК РФ, закрепляющей положение о том, что за совершение преступлений можно применять только такие "виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера", которые установлены настоящим Кодексом. Сформулированное в данной норме правило достаточно полно отражает два важных положения: определяет способы (формы) реализации содержательной стороны ответственности и указывает на множественность конкретных видовых проявлений каждой из них. При этом следует подчеркнуть, что поскольку форма есть способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением, постольку и наказание, и иные меры уголовно-правового характера, хотя и являются формами уголовной ответственности, тем не менее они наполнены более конкретным, свойственным только этим правовым образованиям содержанием, что в конечном счете и позволяет более глубоко проникнуть в сущностные и содержательные элементы уголовной ответственности в целом.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.М.Трухин

Уголовный кодекс Российской Федерации уже в ст.1 определяет, что уголовное законодательство предусматривает уголовную ответственность, для реализации которой в ст.2 определяет задачи настоящего кодекса, а также для осуществления этих задач устанавливает основание, принципы и средства уголовной ответственности. Уголовной ответственности посвящены также многие другие статьи. В целом, анализируя содержание норм Уголовного кодекса, можно сделать вывод, что уголовная ответственность является важнейшим универсальным уголовно-правовым явлением, которое обеспечивает охрану социальных ценностей от преступных посягательств.

Важнейшая охранительная функция уголовной ответственности определяет ее социальную полезность и необходимость в деле предупреждения преступлений, поскольку оно практически может быть осуществлено лишь через уголовно ответственное поведение законопослушных граждан либо через наказание лиц, виновных в совершении преступлений. Это определяет позитивную уголовно-правовую природу уголовной ответственности независимо от того, идет ли речь о добровольной уголовной ответственности законопослушного гражданина или о принудительной уголовной ответственности преступника.

Из приведенных положений с закономерностью вытекает вывод, что важнейшим принципом уголовного закона и практики его применения должен быть непосредственно предусмотренный в законе принцип неотвратимости уголовной ответственности любого лица, на которого распространяется юрисдикция уголовного закона в тех ситуациях, когда возникает необходимость в выборе конкретного варианта поведения - преступного или не преступного. Для всех граждан существует в равной мере предусмотренная в уголовном законе юридическая обязанность под угрозой наказания не совершать преступления, если же кто-то не пожелает добровольно исполнять свою обязанность, оказавшись в криминогенной ситуации, делает выбор в пользу преступления, то тот с неотвратимостью должен быть специальной властью принудительно привлечен на основании закона и обвинительного приговора к уголовной ответственности, определив ему дополнительную юридическую обязанность - претерпеть осуждение и отбыть наказание. Согласно ст.43 наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая за совершенное преступление, оно заключается в лишении прав и свобод осужденного лица. Именно это лишение прав и свобод, которое фактически претерпевается, переживается лицом, привлеченным к уголовной ответственности, составляет ее материальное содержание, без которого ответственность - пустой звук.

Если совершено преступление, то должно быть и наказание. Норма статьи Особенной части Уголовного кодекса должна применяться в единстве диспозиции и санкции, только тогда будет реализован как

принцип законности, так и принцип справедливости. Никто не может быть освобожден от уголовной ответственности. Освобождение возможно только от принуждения наказания в исключительном случае - если лицо, совершившее преступление, еще до привлечения к уголовной ответственности судом, само добровольно, деятельно раскаявшись в содеянном, искупив свою вину, вернулось в нормальное состояние законопослушного гражданина. Принудительно прилекать его к уголовной ответственности через наказание при этом условии будет социально несправедливым и ненужным.

Несмотря на исключительную важность института уголовной ответственности в уголовном законе нет даже определения понятия уголовной ответственности. Правильно те криминалисты, которые выделяют из единой по своей социальной сущности уголовной ответственности ее специфические виды - позитивную и ретроспективную. Выделение их имеет большое практическое значение для правильного уяснения и применения всех уголовно-правовых средств, составляющих содержание уголовной ответственности.

Уголовная ответственность всегда выражается в ограничениях и лишениях прав и свобод граждан. Нести уголовную ответственность, как добровольную, так и принудительную, - всегда конкретное бремя. Неслучайно многие граждане оказываются неспособными нести это бремя добровольно, не желают исполнять свою юридическую обязанность не совершать преступления, ограничивать себя, совершают преступления несмотря на угрозу наказания, поэтому для них предусматривается в уголовном законе специальная уголовная ответственность - карательно-принудительная.

Каждое лицо, виновное в совершении преступления, должно быть принудительно привлечено к уголовной ответственности на основании уголовного закона и обвинительного приговора, это является юридической обязанностью правоохранительных органов, которые обязаны бороться с преступностью, не уклоняясь от этого. Таким образом, не только граждане, но и должностные лица несут уголовную ответственность за несовершение или совершение преступлений против правосудия.

Уголовная ответственность реализуется только тогда, когда назначенное наказание или другое уголовно-правовое средство фактически исполняются. Лицо может быть осуждено, наказано, но если оно уклонилось от отбывания наказания, то уголовная ответственность не наступает. Такое лицо не исполняет возложенную на него юридическую обязанность, вытекающую из уголовного закона и обвинительного приговора, не совершает новых преступлений и претерпеть лишения и ограничения прав и свобод, вытекающие из необходимости отбывания наказания или другого уголовно-правового средства.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКУ НЕОДНОКРАТНОСТИ

Т.Г. Черненко

Вопросы квалификации различных проявлений множественности преступлений неоднозначно рассматривались в теории уголовного права и правоприменительной деятельности. С принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации возрос интерес к данным вопросам. В рамках Общей части УК РФ законодателем выделены такие формы множественности преступлений, как неоднократность, совокупность и рецидив, в рамках Особенной части УК РФ во многих составах преступлений предусмотрены неоднократность и рецидив в качестве квалифицирующих признаков.

Под неоднократностью преступлений, в соответствии со статьей 16 УК РФ, понимается совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи Уголовного кодекса, а в случаях, специально указанных законом, – предусмотренных различными статьями УК РФ. Таким образом, неоднократность могут образовывать как тождественные, так и однородные преступления.

Законодателем установлены определенные правила квалификации при неоднократности преступлений. В соответствии с частью третьей статьи 16 УК РФ, если неоднократность преступлений предусмотрена в качестве квалифицирующего признака состава, влекущего за собой более строгое наказание, чем за единичное преступление, совершенные лицом преступления квалифицируются по соответствующей части статьи УК РФ, предусматривающей наказание за неоднократность преступлений. Рассмотрим это правило применительно к неоднократности, образованной однородными преступлениями, в частности, преступлениями, указанными в части третьей примечания к статье 158 УК РФ. Если, например, была совершена кража, а затем – мошенничество, то мошенничество (с учетом ранее совершенной кражи) должно квалифицироваться по п. "б" ч.2 ст. 159 УК РФ (по признаку неоднократности хищений). Но кража не может охватываться составом мошенничества и требует самостоятельной квалификации по статье 158 УК РФ. Иная квалификация означала бы нарушение требований статьи 17 УК РФ, посвященной совокупности преступлений. Таким образом, в случае совершения однородных преступлений первое преступление следует квалифицировать самостоятельно по соответствующей статье УК РФ, последующие

преступления – по другой статье УК РФ с учетом признака неоднократности. В таком случае налицо и неоднократность, и совокупность. Мы вынуждены ограничительно толковать положения части третьей статьи 16 УК РФ применительно к неоднократности, образуемой однородными преступлениями. Рассмотренная квалификация ранее вполне обоснованно получила широкое распространение в следственной и судебной практике применительно к признаку повторности, который в новом Уголовном кодексе заменен на неоднократность.

Что же касается неоднократности, которая складывается из тождественных преступлений, то, как это буквально вытекает из смысла части третьей статьи 16 УК РФ, все совершенные преступления, в том числе и первое, надлежит квалифицировать только по той части статьи УК РФ, которая предусматривает наказание за неоднократность преступлений. Такая квалификация, на наш взгляд, не является удачной. Неоднократность преступлений – не есть сумма двух или нескольких абсолютно идентичных преступлений. Лицо, совершающее преступление не в первый раз, осознает факт совершения нового преступления при наличии ранее совершенного преступления, по которому не погашены юридические последствия, и, как правило, желает совершить новое преступление. Содержание умысла у данного лица отличается от содержания умысла лица, совершившего преступление впервые. Думается, что уголовно-правовые оценки первого и последующего преступлений не должны совпадать: содеянное следовало бы квалифицировать по совокупности преступлений, независимо от того, на какой стадии было прервано или закончено любое из преступлений. Если, допустим, одним лицом совершены два грабежа, то первый из них, на наш взгляд, следовало бы квалифицировать по ч.1 ст. 161 УК РФ, а второй – по п. “б” ч.2 ст. 161 УК РФ, как грабеж, совершенный неоднократно. Правила же квалификации, установленные законодателем, ставят не в одинаковое положение лиц, совершивших неоднократно тождественные преступления, и лиц, совершивших неоднократно однородные преступления. Лицо, совершившее тождественные преступления, будет нести уголовную ответственность по одной части статьи УК РФ, предусматривающей признак неоднократности, и наказание ему будет назначено в пределах одной санкции. Лицо же, совершившее однородные преступления, должно будет отвечать за совокупность преступлений со всеми вытекающими отсюда последствиями. На наш взгляд, правила квалификации преступлений, совершаемых неоднократно, нуждаются в законодательной корректировке.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Д.В.Карелин, А.В.Щеслер

Впервые в истории отечественного законодательства термин "организованная группа" появился в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества", в ст.ст.2,4 которого в качестве квалифицирующего признака хищения предусматривалось совершение хищения организованной группой (шайкой). Неопределенность содержания этого термина породила противоречивую судебную практику: в одних случаях суды признавали наличие такой группы при всяком соучастии с предварительным сговором, в других - только при совершении хищения группой, имеющей стойкие организационные формы. Вторая позиция имела под собой достаточные основания, поскольку шайка и в теории, и на практике рассматривалась как разновидность преступного сообщества. Кроме того, в ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. "Об усилении охраны личной собственности граждан" в качестве обстоятельства, отягчающего преступление, указывалось на совершение кражи воровской шайкой. Сочетание этих терминов не оставляло сомнения в том, что шайка - преступное сообщество, организованная группа - одна из разновидностей шайки. Противоречивые позиции, подобные тем, что были в судебной практике, высказывались и в теории уголовного права. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что обе позиции являются крайними, однако сам четкого определения организованной группы не дал.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в п.2 ст.34 и УК РСФСР 1960 г. в п.2 ст.39 организованная группа была указана только в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. На практике это обстоятельство не применялось, очевидно, в связи с двумя причинами: реальными успехами в борьбе с групповой преступностью и содержательной неопределенностью этого понятия. В теории уголовного права с конца 50-х годов и до середины 80-х годов преобладающим было мнение о том, что от соучастия с предварительным сговором в элементарной форме организованная группа отличается наличием плана совершения

преступления, а от преступного сообщества - отсутствием признака устойчивости группы (П.И.Гришаев, Г.А.Кригер, М.А.Шнейдер и др.).

С конца 80-х годов, когда явно обозначалась консолидация преступной среды, законодатель в УК РСФСР 1960 г. в целый ряд составов преступлений в качестве квалифицирующего обстоятельства стал вводить признак организованной группы. В ряде постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР были сделаны попытки раскрыть содержание этого понятия через признак устойчивости группы. С появлением в 1994 г. в УК РСФСР ст.17-1, в которой организованная группа определялась как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, через признак устойчивости организованная группа стала характеризоваться и в теории уголовного права. При этом исследователи отмечали, что преступное сообщество тоже является организованной группой, однако с одной особенностью - за сам факт ее создания предусмотрена уголовная ответственность как за самостоятельное оконченое преступление (А.К.Музеник, А.В.Ушаков).

Новое уголовное законодательство не дает оснований для отождествления организованной группы и преступного сообщества, поскольку в ч.3 и ч.4 ст.35 УК РФ они характеризуются как самостоятельные формы соучастия, а ответственность как за самостоятельное оконченое преступление предусмотрена и за создание преступного сообщества (ст.210 УК РФ), и за создание некоторых видов организованных групп (ст.ст.208, 209 УК РФ и др.). Анализ указанных статей позволяет сделать вывод о том, что организованная группа предполагает совместное совершение двумя и более лицами одного или нескольких конкретных преступлений, преступное сообщество представляет собой особую форму совместной преступной деятельности - соучастие лидеров и активных участников устойчивых преступных групп в целях создания благоприятных условий для совершения преступлений другими лицами.

Устойчивый характер организованной группы проявляется, на наш взгляд, в двух признаках: наличии плана совершения преступления и совокупности организационно-подготовительных мероприятий по его реализации (отборе соучастников, распределении преступных ролей, подготовке орудий преступления и т.п.).

ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА КАК ФОРМА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Ю.Н.Порохов, А.В.Шеслер

В ч.3 ст.35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Данное понятие детализируется в ряде постановлений Пленумов Верховного Суда РФ. В частности, в п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 "О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности" отмечается: "Под организованной группой следует понимать устойчивую группу из двух или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений. Такая группа характеризуется, как правило, высоким уровнем организованности, планированием и тщательной подготовкой преступления, распределением ролей между соучастниками и т.п."

Таким образом, в обоих случаях подчеркивается устойчивый характер организованной группы. Признак устойчивости преступной группы является субъективно-объективным. В субъективном смысле под устойчивостью следует понимать стойкость преступных устремлений участников группы, твердое намерение постоянно или временно заниматься преступной деятельностью, т.е. неоднократно совершать преступления. В этой связи уточним: группа может быть устойчивой и при стремлении ее участников совершить одно, но очень серьезное преступление, которое требует длительной подготовки, тщательного планирования, четкого распределения ролей. Твердость преступных намерений в данном случае состоит в стремлении участников группы совершить несколько преступных актов, составляющих в совокупности одно преступление.

Объективное выражение этой устойчивости проявляется в целой совокупности свойств, характерных для преступной группы. В частности, в п.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 "О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм" отмечается: "Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности,

длительность ее существования и количество совершенных преступлений". Разумеется, что в этом постановлении названы не все проявления устойчивости преступной группы. На наш взгляд, объективное проявление устойчивости группы составит следующая совокупность ее признаков:

1) длительный по времени или интенсивный за короткий промежуток времени период преступной деятельности группы, складывающийся из значительного числа преступлений, совершенных участниками группы;

2) организованность участников группы (структурная определенность группы, наличие в ней руководства, системы связи и управления);

3) относительно стабильный состав участников группы;

4) постоянство форм и методов преступной деятельности.

Теоретически допустимо создание организованных групп при совершении любых преступлений. Однако практика показывает, что такие группы создаются для совершения преступлений, которые отнесены к категории тяжких или особо тяжких (ст.15 УК РФ). Учитывая особую ценность некоторых объектов правовой охраны, законодатель в отдельных случаях признает как оконченное преступление сам факт создания организованной группы. В этих случаях законодатель помимо признака устойчивости указывает другие признаки организованной группы. Например, для банды обязательными признаками являются вооруженность и специальная цель - нападение на граждан или организации (ст.209 УК РФ). В остальных случаях создание такой группы является приготовлением к тем преступлениям, для совершения которых она создана (ч.6 ст.35 УК РФ).

От преступного сообщества организованная группа отличается тем, что она предполагает соучастие нескольких лиц в совершении конкретного преступления. Преступное сообщество представляет собой совместную деятельность лидеров и активных участников устойчивых преступных групп, направленную на создание благоприятных условий для совершения конкретных преступлений другими лицами, путем консолидации преступной среды.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С РЭКЕТОМ А.В.Шеслер

Возможности уголовного закона в борьбе с рэкетом во многом зависят от того, насколько общество осведомлено о сущности этого явления и степени его развития.

Сущность рэкета состоит в групповой преступной деятельности, направленной на отнятие у общества части прибавочного продукта за счет криминального насилия. Результатом такой деятельности является удорожание производимых товаров и оказываемых услуг, снижение их качества, сужение базы налогообложения из-за сокрытия производителями части прибыли, отдаваемой рэкету. Сущность рэкета неизменна, однако проявления этой сущности могут быть многообразны и зависят от этапов развития рэкета. Практика показывает, что рэкет проходит три этапа развития.

Первый этап - это этап становления рэкета, который характеризуется явным криминальным насилием. Его основу составляет вымогательство. Совершение иных корыстно-насильственных преступлений носит вспомогательный характер. Например, потерпевшего убивают потому, что он отказался передать вымогателям имущество. Однако такой рэкет не долговечен, так как жертвы не могут платить нескольким группам рэкетиров, а каждая преступная группа заинтересована в принадлежащей только ей "базе налогообложения". В результате "жесткий" рэкет, основанный на простом отнятии части прибавочного продукта, трансформируется в "мягкий", при котором преступники получают этот продукт за оказываемые услуги по защите своих жертв от поборов со стороны других лиц.

Поскольку рэкет на этом этапе выражается в основном в групповой корыстно-насильственной преступной деятельности, роль уголовного закона в борьбе с ним достаточно велика. В частности, необходимо задействовать в полной мере институт соучастия и те статьи УК РФ, которые предусматривают ответственность за корыстные и насильственные преступления (ст.ст.105, 111, 112, 115, 162, 163 и др.).

Второй этап - это этап приобретения рэкетом скрытых форм, при которых рэкет с помощью насилия частично легализуется.

Основные способы легализации рэкета следующие: участие в приватизации с применением насилия в отношении других участников-конкурентов этого процесса; насильственное навязывание предприятиям

своего сотрудничества (введение в руководство или службу безопасности своих людей; внесение своих средств в уставной фонд; принуждение к совершению заведомо невыгодных сделок или реализации похищенных товаров и т.д.); создание собственных предприятий для прикрытия неуставной деятельности.

В борьбе с таким рэкeтом помимо указанных необходимо применять статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: ст.ст.171-175, 179 УК. Роль уголовного закона в борьбе с рэкeтом, который частично легализовался, снижается и возрастает роль криминологического контроля, направленного на ограничение сферы действия рэкeта в экономике.

Третий этап - это этап установления монопольного положения предприятий, находящихся под контролем рэкeта, на рынке товаров и услуг. Насилие рэкeт применяет либо с целью вытеснения конкурентов с рынка на определенной территории или установления контроля над их деятельностью, либо с целью принуждения наиболее выгодных клиентов к потреблению товаров и услуг предприятий, контролируемых рэкeтом.

В борьбе с таким рэкeтом может быть активно использована ч.3 ст.173 УК РФ, предусматривающая ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции, совершенные с применением насилия, уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой совершения этих действий. В связи с тем, что рэкeт в значительной мере легализуется в виде законной предпринимательской деятельности, роль уголовного закона в борьбе с ним становится второстепенной. На первый план выдвигаются меры криминологического контроля, применение которых ограничивает сферу деятельности рэкeта, прежде всего в экономике. Например, снизить рентабельность предприятий, находящихся под контролем рэкeта, можно, применяя меры административного взыскания за нарушения на них правил охраны труда, налогового и экологического законодательства.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ УБИЙСТВА

Т.А.Плаксия

Вопросы добровольного отказа от доведения убийства до конца в уголовно-правовой литературе и судебной практике решаются далеко не однозначно. Один из моментов, заслуживающих детального анализа с учетом принятия нового УК РФ, связан с возможностью (или невозможностью) добровольного отказа от убийства, когда действиями посягавшего, направленными на причинение смерти, потерпевший приведен в опасное для жизни состояние и находится в нем, например, выстрелом из пистолета или ударом ножа причинен тяжкий вред его здоровью, либо жертва брошена в реку с целью утопления, либо ей дан длительно действующий яд и т.п.

Относительно возможности добровольного отказа в подобных ситуациях в юридической литературе высказаны самые различные мнения:

1) добровольный отказ возможен, но только в активной форме и при условии, что покушавшийся еще может не допустить наступление смерти (А.А.Пионтковский, Б.В.Здравомыслов);

2) добровольный отказ невозможен в силу субъективных обстоятельств, поскольку лицо уже сделало все, что, с его точки зрения, было необходимо для достижения преступного результата (М.Д.Шаргородский);

3) добровольный отказ невозможен по объективным причинам, так как лицо не имеет полного контроля за развитием причинной связи (А.В.Наумов).

Представляется, что есть все основания признать возможность добровольного отказа в рассматриваемых случаях. Из ч.1 ст.31 УК РФ вытекает, что добровольный отказ может иметь место, если, во-первых, преступление не доведено до конца и, во-вторых, лицо осознает возможность доведения преступления до конца. Применительно к убийству это означает, что добровольный отказ возможен, если еще не наступила смерть потерпевшего и если лицо осознает, что его поведение может привести к смерти. Анализируемые ситуации полностью отвечают изложенным требованиям: нанесено тяжкое ранение, смерть еще не наступила, но может наступить, если ничего не предпринять; жертва брошена в реку, еще держится на воде, но может утонуть, если ее не спасти, и т.д. Причем во всех случаях тот, кто привел потерпевшего в опасное для жизни состояние, понимает, что его бездеятельность повлечет за собой лишение потерпевшего жизни.

Слабое звено в рассуждениях о невозможности добровольного отказа из-за субъективных обстоятельств состоит в том, что значение этих обстоятельств преувеличивается и внимание акцентируется на том, что лицо уже сделало, а не на том, что оно могло бы и дальше предпринять для наступления или ненаступления смерти потерпевшего. Кроме того, сама формулировка "лицо сделало все, что от него зависело", рассчитана на поведение, выраженное в действии; анализ же объективной стороны убийства в исследуемых случаях показывает, что само деяние складывается сначала из действий, которые приводят потерпевшего в опасное для жизни состояние, а затем из бездействия, позволяющего развиваться этому состоянию вплоть до наступления смерти. Любое прерывание лицом своего бездействия в целях предотвращения смерти жертвы и будет образовывать добровольный отказ, если смерть действительно не наступила, поскольку в ст.31 УК РФ при определении добровольного отказа говорится о прекращении действий или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления.

Нельзя признать состоятельными аргументы и тех авторов, которые считают добровольный отказ невозможным по объективным причинам. Во-первых, рассуждения о том, полностью контролировало лицо развитие событий или нет, теряют смысл, если посягавшему активными действиями все-таки удалось предотвратить наступление смерти. Во-вторых, правило, в соответствии с которым при решении вопроса о наличии добровольного отказа следует обращать внимание не на предпологаемую возможность предотвратить наступление последствий, а на реальный результат усилий лица, закрепляет сам законодатель: так, в соответствии с ч.4 ст.31 УК организатор и подстрекатель не подлежат уголовной ответственности, если они любыми предпринятыми мерами предотвратили доведение исполнителем преступления до конца, хотя очевидно, что и здесь, как и в рассматриваемых нами случаях, далеко не все зависит только от их воли.

Таким образом, в ситуации, когда потерпевший сначала действиями посягавшего приведен в опасное для жизни состояние с целью причинения смерти, а затем его же усилиями выведен из этого состояния, и наступление смерти предотвращено, следует признать наличие добровольного отказа от убийства. Разумеется, лицо подлежит ответственности, если фактически совершенное им деяние содержит состав преступления.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО НОВОМУ УК РФ

К.Н.Шутов

Новым УК уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов предусмотрена статьями 198 (уклонение гражданина от уплаты налога) и 199 (уклонение от уплаты налогов с организаций), которые заменили собой статьи 162-1 (уклонение от подачи декларации о доходах), 162-2 (сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения). Учитывая особое место и важность законодательной конструкции ст.199 УК, обратимся к тем правовым новеллам, которые заслуживают, на наш взгляд, наибольшего внимания.

1. С этой точки зрения обращают на себя внимание изменения в описании объективной стороны налоговых преступлений. Если в УК РСФСР 1960 г. объективная сторона преступления, предусмотренного ст.162-2, состояла в сокрытии полученных доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения в крупных размерах, то в ст.199 нового УК РФ она сформулирована как уклонение от уплаты налогов с организаций, путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо путем сокрытия других объектов налогообложения, совершенное в крупном размере.

Таким образом, сокрытие доходов или других объектов налогообложения законодатель определил в качестве одного из способов уклонения от уплаты налогов. В связи с этим возникает вопрос: почему законодатель (при верном, на наш взгляд, общем подходе к описанию объективной стороны преступления) счел возможным содержательную часть уклонения от уплаты налогов выразить только двумя ее способами. Ограниченность такого подхода, на наш взгляд, не позволяет: а) квалифицировать действия руководителя предприятия, отказавшегося платить налоги (мотивируя это, к примеру, несогласием с налоговой политикой государства), но не скрывающего при этом объекты налогообложения и не вносящего каких-либо искаженных данных в бухгалтерские документы; б) умышленно не перечисляющего в установленные сроки налоговые платежи (при наличии такой возможности), используя причитающиеся бюджету суммы в иных целях ("прокручивая" через банк или используя на решение текущих проблем предприятия), однако также не скрывающего объекты налогообложения и не вносящего искаженных данных в бухгалтерские документы.

В этом отношении примечателен тот факт, что объективная сторона преступления, предусматривающая уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей (ст.194 УК), сформулирована без указания на какие-либо конкретные способы уклонения. Полагаем, что по своей юридической природе эти преступления являются однопорядковыми, в связи с чем представляется возможным подобным образом сформулировать и диспозицию ст.199 УК РФ.

2. Кроме того, ст.199 УК РФ присущ и другой недостаток: в ней отсутствует дифференцированный подход к ответственности в зависимости от размера неуплаченного налога. Ч.1 ст.199 УК предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов, если это деяние было совершено в крупном размере. В то же время имеющиеся данные свидетельствуют о том, что значительное число преступлений данной категории совершаются в размерах, многократно превышающих величину крупного (неуплата исчисляется сотнями миллионов рублей). В этой связи представляется обоснованной необходимость включения в число квалифицирующих признаков ч.2 ст.199 УК, наряду с неоднократностью, уклонение от налогов в особо крупном размере.

Мы не исключаем, что к числу квалифицирующих признаков могут быть также отнесены обстоятельства, характеризующие отдельные способы уклонения от уплаты налогов (по нашим данным, таких способов насчитывается более пятидесяти). Учитывая, что общественная опасность этих способов неравнозначна, необходимо наряду с расширением границ объективной стороны рассматриваемого преступления выделить в качестве квалифицирующих обстоятельств те способы, которые существенно повышают общественную опасность данного преступления в целом (например, отказ от уплаты налогов, использование начисленных к уплате средств с целью получения материальной выгоды и др.).

3. Вместе с тем следует также обратить внимание на существенную недооценку степени общественной опасности рассматриваемой категории преступлений, что выразилось в значительном увеличении (по сравнению с УК 1960 г.) размера неуплаченного налога (в 20 раз), позволяющего, по мнению законодателя, криминализировать данное деяние. Кроме того, квалифицированные виды неуплаты налогов должны быть отнесены к категории тяжких преступлений, для чего следует ужесточить санкцию ч.2 ст.199 УК, увеличив наказание в виде лишения свободы до семи-восьми лет.

ПОНЯТИЕ РАЗБОЯ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

С.А.Елисеев

Разбой как преступление давно известен уголовному праву России. О нем говорилось в Русской Правде, Судебниках 1497 г. и 1550 г., Соборном Уложении 1649 г. Однако состав разбоя впервые в развернутом виде был сформулирован в Своде законов уголовных 1832 г. Под разбоем понимали "нападение на какое-либо место, жительство, на деревню, двор, или какое-либо здание, для похищения имущества, произведенное открытою силою и с явной опасностью для самого лица, насилем угрожаемого". При этом нормы об ответственности за разбой стояли в стороне от норм, устанавливающих наказание за незаконное завладение чужим имуществом. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. разбой был отнесен к разряду "похищения с насилем". По мнению составителей Уложения, определение разбоя в Своде законов уголовных не давало полного понятия об этом преступлении и не было "согласно с тем, которое оному присвоено общим мнением и употреблением сего слова".

Поэтому разбой был определен в Уложении как "всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества, нападение, когда оное учинено открытою силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здравия или свободы лица или лиц, подвергшихся нападению" (ст.2208 Уложения ред.1857 г., ст.1627 Уложения ред.1866, 1885 гг.).

В уголовном Уложении 1903 г. определение разбоя было сформулировано более сжато. В нем, в ст.589, говорилось: "Винновный в похищении чужого имущества, с целью присвоения, посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы, за сей разбой наказывается".

В УК РСФСР 1922 г. словесная формула, раскрывающая понятие разбоя, стала еще более краткой, при этом его составители вернули термин "нападение" в число слов, обрисовывающих сущность действия при разбое. Разбой был определен как открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилем, грозящим смертью или увечьем" (ст.184). Эта формулировка была воспроизведена в УК РСФСР 1926 г. С некоторыми редакционными изменениями она перешла и в УК РСФСР 1960 г.

Надо сказать, что в определении, данном в Своде Законов уголовных, слово "нападение" относительно точно выражало смысл правового предписания, поскольку под разбоем в это время понимали преступление, совершенное группой лиц, состоящее в набеге на место жительства людей (его захвате) с целью завладения имуществом. В Уложении о наказаниях разбой был отнесен к деяниям частного, а не публичного характера. В то же время составители Уложения, стремясь, по всей видимости, сохранить определенную стабильность языковой формы уголовного закона, при описании понятия разбоя использовали словосочетание "нападение, когда оное учинено открытою силою, ..., сопровождалось..."). Для законодательства середины 19 в., когда в правовых актах преобладали многословные определения тех или иных юридических понятий, такой прием описания противоправных действий, был, безусловно, приемлемым. Из текста статьи Уложения было видно, что речь идет об открытом завладении имуществом, учиненном (произведенном, устроенном) путем насилия или угроз. Авторы Уголовного Уложения 1903 г., определяя разбой, отказались от ряда устаревших к концу 19 в. слов и выражений. Словесная конструкция "нападение, учиненное..." была заменена выражением "похищение чужого имущества ... посредством". Несомненно, что, кроме стилистических соображений, составители Уголовного Уложения учли и логику конструирования понятий различных форм похищения имущества. Коль скоро разбой - одна из форм похищения чужого имущества, то в определении его понятия они указали ближайший род ("похищение") и видовое отличие (насильственный способ завладения имуществом).

Известно, что при подготовке проекта УК РСФСР 1922 г. его авторы использовали Уложение о наказаниях, Уголовное Уложение. Но определение разбоя из этих нормативных актов они не переняли. В УК 1922 г. появилась новая редакция определения разбоя. В ней смысловая нагрузка легла на словосочетание "нападение ... соединенное с насил-ем". На первый взгляд обрисовка объективной стороны разбоя стала более удачной, особенно в сравнении с Уложением о наказаниях, содержащим излишние, казуистические предписания. Однако нельзя не увидеть, что разработчики УК 1922 г., включив термин "нападение" в конструкцию законодательной формулы (надо полагать, для того, чтобы подчеркнуть высокую общественную опасность разбоя) и заменив слово "учинено" причастным "соединенное", сместили тем самым акцент в определении разбоя с нападения, то есть действия, состоящего в насилии, на насилье как самостоятельный, помимо и наряду с нападением, способ действия.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А.Ф.Любарский

На нынешнем этапе реорганизации уголовно-исполнительной системы, которая осуществляется в условиях достаточно высокого общественного резонанса оценки ее деятельности, самостоятельное звучание приобретает комплексная научная разработка проблем общественного мнения. Именно оно среди других явлений социальной действительности выделяется своим доминирующим фактором необратимых изменений содержания деятельности по исполнению лишения свободы, исправлению осужденных. В немалой степени этому процессу способствовали средства массовой информации, получившие большую "свободу" в освещении данной проблематики. Достаточно, сказать, что только за период с 1987 года по 1989 год было опубликовано свыше трехсот статей, очерков и репортажей.¹ При этом стал публиковаться не только научно обоснованный, но и порой сенсационный, ангажированный, тенденциозно-негативный материал, в силу прежде всего отсутствия и невозможности получения достоверной информации. Поэтому следует согласиться с мнением В.К.Новосельцева о том, что это были издержки "первого знакомства гласности и мест лишения свободы".² И тем не менее при всех издержках именно средства массовой информации стали основным источником обмена мнениями по различным аспектам правового регулирования и деятельности исправительных учреждений по исполнению наказаний в виде лишения свободы.

Под их влиянием были предприняты шаги по реформированию уголовно-исполнительной системы. Достаточно отметить, что многие предложения нашли свое отражение в дополнениях и изменениях, которые были внесены в 69 статей ныне действующий Исправительно-трудовой кодекс РСФСР Законом РФ от 12 июня 1992 года.³

В то же время нельзя не отметить, что развиваемый прессой и другими средствами массовой информации интерес к социальным и правовым проблемам исполнения наказания остается на высоком уровне и в настоящий период.

Только за первое полугодие 1996 года в 26 газетах прошло 115 публикаций. Анализ публикаций свидетельствует о том, что в целом они

¹ См.: Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1992. С.13.

² См.: Новосельцев В.К. ИТУ и средства массовой информации: заметки о первом знакомстве//Новый уголовный закон. Кемарово, 1989. С.181.

³ См.: Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 22. Ст.1687.

охватывают практически все основные направления деятельности уголовно-исполнительной системы и, что примечательно, расставляют в подавляющем большинстве случаев правильные акценты. В то же время еще нередки случаи, когда некоторые журналисты, не заботясь об объективности, преследуя корпоративные цели, печатают заведомо искаженную информацию.⁴

И тем не менее роль средств массовой информации в решении проблем, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, очевидна. Возможность средств массовой информации почти мгновенно донести новые сведения до значительного числа людей способствует интенсивному обмену мнениями и суждениями, скорейшему формированию общественного мнения по проблемам деятельности мест лишения свободы, усиливает мобильность и отзывчивость общественного мнения. В самом деле, как показывает опыт прошедших лет, позитивно ориентированное общественное мнение может оказать и оказывает большую помощь в углублении этой реформы, корректировке ее курса, определении стратегии и выборе тактических вариантов проведения.

В то же время с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, который вводится в действие с 1 июля 1997 года, актуальность общественного мнения и использование его возможностей возрастут. Прежде всего, необходим процесс информирования населения об уголовно-исполнительном праве, его значении, целях, задачах, содержании, чтобы на основе этого сформировать правильные представления граждан о новом уголовно-исполнительном законодательстве.

Решение названных задач должно осуществляться, как представляется, в рамках "Концепции информирования населения страны об уголовно-исполнительной системе МВД России и результатах ее деятельности по обеспечению прав и законных интересов" во взаимодействии с федеральными и региональными общими и ведомственными субъектами формирования общественного мнения.

Следовательно, предстоит приложить еще немало усилий для того, чтобы население страны признавало и оценивало деятельность уголовно-исполнительной системы, социально значимой и необходимой для общества в борьбе с преступностью, обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан.

⁴ Более подробно о сказанном см.: Венгеров А.Б. Судебная палата по информационным спорам. Обзор практики. М.: Юрид.лит., 1995. С.20-134.

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Н.И.Ланкин

1. Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, как и другие принципы уголовно-исполнительного законодательства, которые впервые получили закрепление в новом Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст.8), является важнейшим руководящим положением, пронизывающим все уголовно-исполнительное законодательство.

Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания предполагает, прежде всего, классификацию осужденных, т.е. распределение их на относительно однородные группы с учетом пола, возраста, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Это уголовно-правовая классификация, которая лежит в основе построения системы исправительных учреждений. Однако она, как показала многолетняя практика, носит формальный характер, не способствует успешному достижению целей и задач, стоящих перед исправительными учреждениями, поскольку в местах лишения свободы происходит резкая перегруппировка осужденных по неформальным признакам, в основе которых лежат воровские законы, правила и традиции тюремной субкультуры. В таких учреждениях, как правильно отмечал Н.А.Стручков, истинная власть принадлежит уголовному миру, а не администрации, а сами учреждения заслужили справедливую оценку как "школы преступности".

2. В любом исправительном учреждении практические работники с некоторой долей условности делят осужденных на три основные группы:

- 1) позитивную (осужденные, вставшие на путь исправления);
- 2) нейтральную ("болото");
- 3) негативную (нарушители режима).

Эта вторичная (видовая) классификация осужденных объективно отражает сложившуюся в местах лишения свободы иерархию, однако требуют серьезной научной проработки критерии такой классификации. С учетом нравственно-психологической характеристики личности осужденного, его поведения, отношения к труду, к иным мерам

исправительного воздействия, к правилам и традициям человеческого общежития.

Основными целями данной классификации, которая должна строиться на основе современных положений науки уголовно-исполнительного права, педагогики и психологии, являются:

1) исключение влияния отрицательно (а иногда враждебно) настроенной части осужденных на нейтральную и позитивную группы осужденных;

2) разработка индивидуальной программы воспитательной работы с осужденным исходя из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей;

3) совершенствование прогрессивной системы отбывания лишения свободы, которая выражается в изменении условий содержания осужденных как в лучшую, так и в худшую стороны в рамках одного исправительного учреждения или путем перевода из одного исправительного учреждения в другое;

4) стимулирование правопослушного поведения осужденных и постепенная подготовка их к условиям жизни на свободе.

3. Актуальность затронутой проблемы обусловлена еще и тем, что с нею в недалеком времени придется столкнуться практическим работникам уголовно-исполнительной системы.

В новом Уголовно-исполнительном кодексе РФ, который вступает в действие с первого июля 1997 года, предусмотрена углубленная дифференциация условий отбывания наказания, которая достигается путем установления трех ступеней в колониях общего, строгого и особого режимов, а также в воспитательных колониях:

1) обычные условия содержания;

2) облегченные условия;

3) строгие условия отбывания наказания.

Перевод осужденных с обычных условий на облегченные или строгие (и наоборот) в зависимости от их поведения, отношения к труду, и иным мерам исправительного воздействия, будет осуществляться представителями администрации исправительного учреждения, которые должны быть вооружены соответствующими методиками и рекомендациями, а сами должны обладать достаточно высоким уровнем квалификации.

ВЫРАЖЕНИЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ НАЧАЛ В НЕКОТОРЫХ НОРМАХ НОВОГО УИК РФ

Н.В.Киселев

Содержание подавляющего большинства норм нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ однозначно свидетельствует о том, что в регулировании отношений, возникающих в связи с исполнением (отбыванием) различных видов уголовных наказаний, основным методом регулирования этих отношений остается метод "властного приказа" или императивный метод. Вместе с тем новый УИК РФ в отличие от ИТК РСФСР значительно в большей степени дает возможность сделать вывод о том, что наряду с императивным методом как в уголовно-исполнительном законодательстве в целом, так и в правовом регулировании исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы находит выражение и диспозитивное регулирование.

Исходя из теоретического и методологического обоснования правильного понимания диспозитивных начал в правовом регулировании исполнения (отбывания) лишения свободы, в новом Уголовно-исполнительном кодексе обнаруживается двадцать две нормы (в ИТК РСФСР их было четырнадцать), которые можно классифицировать по различным основаниям. Если проанализировать содержание этих норм по уровню проявления диспозитивных начал, можно выделить следующие формы реализации юридической возможности осужденных приобретать отдельные специфические права и обязанности:

- по желанию осужденного - три нормы (ч.2 ст.103 - привлечение к труду отдельных категорий осужденных к лишению свободы; ч.2 ст.108 - профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы; ч.2 ст.112 - общее образование осужденных к лишению свободы);

- с согласия осужденного - пять норм (ст.73 - места отбывания лишения свободы; ст.77 - оставление осужденных к лишению свободы в СИЗО или тюрьме и др.);

- по просьбе осужденного - две нормы (ст.13 - право осужденного на личную безопасность; ч.1 ст.127 - условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы).

Несмотря на относительное многообразие уровней проявления диспозитивных начал, теоретическое и практическое значение имеют два уровня - по просьбе осужденного и с его согласия. Только в этих двух случаях мы можем говорить о действительном волеизъявлении осужденного как непременном и решающем условии возникновения, изменения или прекращения соответствующих правоотношений.

Если иметь в виду степень определенности проявления диспозитивных начал в нормах нового УИК РФ, то, на наш взгляд, следует выделить нормы с явной и нормы с так называемой "латентной" диспозитивностью. Все нормы, о которых говорилось выше, - это примеры явной диспозитивности. О проявлении явной диспозитивности свидетельствует наличие в самой норме УИК РФ прямых указаний законодателя на правовую возможность осужденного избрать такой вариант поведения, который неизбежно ведет к определенным изменениям в его правовом статусе.

"Латентную" диспозитивность в отличие от явной можно определить только исходя из уяснения психолого-педагогической обоснованности законодательной конструкции конкретной нормы права. Законодатель в данном случае прямо не указывает на пределы возможного поведения осужденного, а лишь подразумевает, что и в этом конкретном случае окончательное решение того или иного вопроса следует принимать с учетом согласия самого осужденного. Примером нормы с "латентной" диспозитивностью может служить ч.2 ст.81 УИК РФ. Перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одной колонии в другую того же вида или из одной тюрьмы в другую допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении. Из данной нормы непосредственно не вытекает, каким образом осуществляется перевод осужденного из одного исправительного учреждения в другое - с согласия осужденного или без такового. Тем не менее, с нашей точки зрения, интересы исправления осужденного требуют, чтобы перевод осужденных в большинстве указанных случаев осуществлялся все-таки с согласия осужденного. К нормам с "латентной" диспозитивностью следует отнести также ст.96 - предоставление осужденным права передвижения без конвоя или без сопровождения; ст.113 - меры поощрения, применяемые к осужденным к лишению свободы; ст.139 - оставление в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия и некоторые другие.

Практическое значение указанных уровней диспозитивности и уяснения сущности явной и "латентной" диспозитивности состоит прежде всего в том, что их выделение позволяет исключить вовсе или свести к минимуму издержки возможного двойственного толкования отдельных норм нового УИК РФ.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В.А.Уткин

В соответствии со ст.57 УК РФ пожизненное лишение свободы устанавливается только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и "может назначаться в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь". Такая формулировка закона представляется неудачной. Судя по ее смыслу, суд, учитывая все обстоятельства дела и личность виновного, должен вначале прийти к выводу, что последний заслуживает смертной казни. Однако на основе анализа тех же обстоятельств суд якобы обязан мотивировать назначение другого наказания, а именно - пожизненного лишения свободы.

Выделение пожизненного лишения свободы в качестве самостоятельного вида наказания наряду с лишением свободы на определенный срок едва ли оправдано. Нужно сказать, что и в самом Уголовном кодексе эта классификация отражена противоречиво. В ст.ст.58, 79 пожизненное лишение свободы и лишение свободы на определенный срок фактически рассматриваются как разновидности одного наказания - лишения свободы.

Такой подход закреплен и в новом Уголовно-исполнительном кодексе РФ, который не содержит специальной главы об исполнении пожизненного лишения свободы, как это присуще исполнению всех иных самостоятельных наказаний. Нормы об особенностях исполнения и отбывания пожизненного лишения свободы расположены в различных главах Кодекса (ст.ст.97, 112, 126, 127, 176). И это вполне обоснованно, ибо пожизненное лишение свободы, в сущности, не обладает сколько-нибудь специфическим содержанием, радикально отличным от содержания лишения свободы на определенный срок.

Согласно ч.1 ст.58 УК отбывание наказания в виде пожизненного лишения свободы назначается в исправительных колониях особого режима. Кодекс не дает ясного ответа на вопрос, может ли пожизненное лишение свободы отбываться в тюрьме. Ч.2 ст.58 УК определяет, что отбывание части срока наказания в тюрьме может быть назначено "лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, а также при особо опасном рецидиве преступлений". Формально лишение свободы "на срок"

отличается от пожизненного лишения свободы, следовательно, такое наказание вроде бы не может отбываться в тюрьме. Но если пожизненное лишение свободы назначается при особо опасном рецидиве преступлений, то такое ограничение отсутствует. Как в этом случае определить "часть срока", который может провести в тюрьме осужденный к пожизненному лишению свободы? Может ли такой частью быть период в 20-30 лет лишения свободы, который все равно меньше пожизненного?

В статьях 69, 70 УК РФ определяются правила назначения наказания по совокупности преступлений или приговоров. Очевидно, что предусмотренные Кодексом пределы сложения наказаний (25 и 30 лет лишения свободы) не относятся к случаям, когда одним из возможных или уже назначенных наказаний является пожизненное лишение свободы. Не применимо здесь и положение ч.4 ст.70 УК.

Уголовный кодекс (ч.5 ст.79) определяет, что лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания и фактически отбыло не менее 25 лет лишения свободы. В ст.176 Уголовно-исполнительного кодекса закреплены "особенности представления" таких осужденных к условно-досрочному освобождению.

Вместе с тем устанавливается, что "к условно-досрочному освобождению не представляются осужденные, совершившие новое тяжкое или особо тяжкое преступление в период отбывания пожизненного лишения свободы". По нашему мнению, определение таких критериев относится к предмету уголовного, а не уголовно-исполнительного законодательства. К тому же в данной статье игнорируются сроки судимости за тяжкое или особо тяжкое преступление (6 и 8 лет). Конечно, речь не идет о погашении судимости при отбывании пожизненного лишения свободы, а о соблюдении принципов справедливости и индивидуализации при оценке поведения осужденного.

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Д. В. Дергунов

Со вступлением в силу нового Уголовного кодекса РФ система уголовных наказаний пополнилась рядом новых видов наказаний, которые ранее не были известны нашему уголовному законодательству. Одним из таких видов является пожизненное лишение свободы. Однако даже беглый обзор норм, касающихся применения данного наказания, приводит к заключению о наличии в них серьезных недоработок и пробелов, позволяющих сделать ряд критических замечаний.

Анализ статей, регулирующих применение пожизненного лишения свободы, приводит нас к следующему выводу: на сегодняшний день пожизненное лишение свободы как вид наказания практически не имеет самостоятельного значения.

Первое ограничение самостоятельности данного вида наказания установлено положением о применении его только в качестве альтернативы смертной казни. По нашему глубокому убеждению, каждый вид наказания должен носить самостоятельный характер, иметь свойственную ему сферу применения, обладать четкими критериями его назначения. Постановка одного вида наказания в зависимость от другого влечет резкое ограничение области применения этого вида наказания, уменьшает его значение для достижения целей наказания, устанавливает искусственные, не предусмотренные законом ограничения для его использования. Такая ситуация в отношениях между пожизненным лишением свободы и смертной казнью может привести к тому, что пожизненное лишение свободы либо практически не будет применяться судами, либо, наоборот, полностью подменит собой смертную казнь для демонстрации судами гуманного отношения к подсудимым. У нас и без того достаточно примеров наличия в ранее действующем Уголовном кодексе "мертвых" видов наказания, чтобы создавать такие прецеденты в будущем.

Второе ограничение заключается во введении правила о назначении пожизненного лишения свободы только в случаях, "когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь". При этом законодатель не устанавливает никаких критериев того, когда и на основании чего суд может сделать вывод о возможности неприменения смертной казни и замены ее пожизненным лишением свободы. Таким образом, налицо определенный пробел в данном вопросе.

Третье ограничение представляет структура санкции статей особенной части УК РФ, предусматривающих в качестве санкции смертную казнь и пожизненное лишение свободы. так как сама конструкция санкций данных

норм практически исключает применение пожизненного лишения свободы. Санкции ч.2 ст. 105, ст. 277, ст. 295, ст. 317, ст. 357 построены по принципу двойной альтернативы. При решении вопроса о назначении наказания суд сначала должен сделать выбор между применением лишения свободы на определенный срок или смертной казнью. В случае, если суд пришел к решению о целесообразности применения в данном конкретном случае смертной казни, он переходит к рассмотрению второй альтернативы - между смертной казнью и пожизненным лишением свободы. При этом пожизненное лишение свободы может быть назначено только в том случае, если суд сочтет возможным не применять смертную казнь. Таким образом, если суд на первоначальном этапе решения вопроса о виде наказания уже принял решение о применении смертной казни, то на втором этапе для назначения пожизненного лишения свободы суд должен признать свое первоначальное решение неправильным и отказаться от него. Тем самым суд поставлен в ненормальное положение, когда он должен то принимать решения, то отказываться от них.

На основании вышеизложенного мы считаем, что при таком подходе к регламентации пожизненного лишения свободы данный вид наказания либо не будет применяться судами вообще, либо - в крайне редких случаях. Причем не в силу объективных обстоятельств, а как акт гуманизма суда по отношению к преступнику.

По нашему мнению, при сохранении пожизненного лишения свободы в системе наказаний (в целесообразности чего у автора имеются серьезные сомнения) необходимо сделать этот вид наказания полностью самостоятельным, определить сферу и критерии его применения. В этом смысле являются весьма интересными положения по регламентации пожизненного лишения свободы, изложенные в проекте Уголовного кодекса РФ, опубликованном в начале 1995 года, в части установления субъектов применения данного наказания и преступлений, за совершение которых оно устанавливается. Данные положения с некоторой корректировкой и должны лечь в основу изменений в Уголовный кодекс в части регламентации пожизненного лишения свободы, которые необходимо внести в самое ближайшее время.

К ВОПРОСУ О ТРУДЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВЕ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

В.Г.Швыдкий

В коллективной монографии "Наказание и исправление преступников" (НИИ МВД РФ, 1992) одна из задач системы организации труда осужденных формулируется как "всестороннее развитие осужденных, формирование положительной установки на труд" (С.137).

Представляется, что постановка задачи формирования у осужденных положительной установки на труд является актуальной и научно обоснованной. В частности, по нашим данным, до 50% осужденных, помещенных в исправительные учреждения региона в период 1995-1996 гг., не имеют специальностей и навыков производительного труда. В то же время ориентация на всестороннее развитие осужденных в процессе трудовой деятельности в условиях мест заключения ошибочна, что подтверждается как многолетней практикой исполнения лишения свободы, так и результатами научных исследований в области уголовно-исполнительного законодательства в последние годы.

Категориальное понятие труда с его универсальными функциями, в том числе позитивного воздействия на формирование человека как социального субъекта, личности, универсальность которых, подчеркнем, раскрывается на протяжении всего развития Цивилизации и Культуры (это - тысячелетия, а не срок отбывания наказания в виде лишения свободы), не является средством воспитания безотносительно конкретного содержания и соответствующих признаков. Универсальные функции труда без опосредствующих форм, соответствующего содержания неправильно трактовать как нечто особенное и индивидуальное, способное быть конкретным позитивным средством воздействия на конкретного человека. Труд как средство воспитательного воздействия на человека представляет собой целостную систему социологических, юридических, экономических, эстетических, психологических и др. признаков, которые, находясь в определенном взаимодействии друг с другом, а также с индивидуальностью человека во всем богатстве его личности, являются именно средством, т.е. чем-то действительным, способным обеспечить достижение задачи. Научно определить такой труд - сложнейшая проблема. Педагогическая мысль

за столетия развития еще не нашла ее решения, а советская наука исправительно-трудового права в этом отношении явно "определила время".

Н.Д.Ушинский писал: "Труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство. Он составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже для поддержки в нем той степени достоинства, которой он уже достиг."¹

Важнейшим признаком труда как положительного средства воздействия на человека является не труд вообще, а прежде всего - труд свободный. Свобода труда, стало быть, обязательно должна входить в научное определение труда как средства воспитания человека, в частности, его исправления.

Результаты исследований советского периода по исправительно-трудовому праву, где описывается, как у осужденного в "процессе социалистического общественно полезного труда формируются основные нравственные качества личности: трудолюбие, добросовестное отношение к труду, потребность вести честный трудовой образ жизни, забота о сохранении общественного достояния и уважения к личной ответственности, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, понимание ценности личности и уважение к ней, дисциплинированность и самодисциплина и т.д.", представляют собой благие пожелания, а не научный вывод, место которым в истории правовой науки. Там же, как представляется, и место идее "всестороннего развития осужденных" современного издания.

Ч.1. ст.103 УИК РФ 1997 г. воспроизводит положение ст.37 ИТК РСФСР 1970 г. об обязательном труде основной массы осужденных "в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений", что предполагает, как минимум, адекватное формулирование задач привлечения осужденных к труду - в контексте правовой реальности.

¹ Ушинский Н.Д. Человек как предмет воспитания//Собр.соч. М., 1950. Т.9. С.569-570.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Д.В.Демидов

Одним из эффективных средств соблюдения прав и свобод осужденных является возможность их обращения в различные инстанции. Адресатами обращения могут быть вышестоящая ведомственная инстанция, прокуратура, органы местного самоуправления, суд и иные органы, обладающие правом контроля за деятельностью учреждений, исполняющих наказания (ИУН).

Однако несмотря на большое количество нормативных актов, регламентирующих порядок обращения осужденных, остались неразрешенными ряд вопросов, что существенно затрудняет реализацию осужденными своих прав на подачу предложений, заявлений и жалоб. Одним из них является возможность коллективного обращения осужденных к лишению свободы.

Прежде всего следует определиться с понятием коллективных (групповых) обращений. На наш взгляд, таковыми следует признавать предложения, заявления и жалобы, поступившие от двух или более осужденных. Нет необходимости ограничения возможности коллективных обращений в зависимости от их вида. Между тем нужна четкая регламентация подачи именно коллективных жалоб, поскольку они имеют наибольшее значение для выявления фактов нарушения законности и прав и свобод гражданина.

Следует также определить, признавать ли коллективными обращения, поданные группой осужденных в защиту прав и свобод одного осужденного. Вполне разумным решением здесь будет являться принцип гражданского судопроизводства, согласно которому такая ситуация вполне допустима.

Однако, на наш взгляд, вполне допустимым является установление некоторых требований к форме коллективных обращений. Такие обращения должны содержать полные сведения о лицах, чьи права и свободы, по их мнению, нарушены, либо о тех, кто поддерживает обращение одного из осужденных. Без наличия таких сведений обращение преобразует анонимный характер и по существующим правилам рассмотрению и разрешению не подлежит.

Для коллективных обращений целесообразно установить особый порядок регистрации (в отдельном журнале). Если коллективное обращение направлено в прокуратуру, суд или иные органы, обладающие правом контроля за деятельностью ИУН, то на них должны распространяться общие правила отправления таких обращений. При этом вопрос о признании обращения анонимным должен решаться непосредственно той инстанцией, куда оно направлено.

Целесообразно для этого использовать опыт нормотворчества субъектов Российской Федерации. Одним из таких актов является Закон Алтайского края от 27 марта 1996 г. "О петициях жителей Алтайского края". Согласно положениям статьи первой данного Закона под петицией понимается коллективное обращение граждан (в количестве не менее трехсот человек) в органы государственной власти и управления, в собственных интересах, в интересах других лиц, общества и государства. Предметом петиции могут выступать действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц. Данный нормативный акт не предусматривает никаких ограничений для субъектов обращения, в том числе и для осужденных к лишению свободы.

Согласно п.3 ст.4 Закона Алтайского края петиция, поданная гражданами, находящимися в местах лишения свободы, не подлежит контролю со стороны администрации соответствующего учреждения и незамедлительно отправляется в запечатанном виде по принадлежности.

Вместе с тем этим законодательным актом предусмотрены и некоторые ограничения, касающиеся осужденных к лишению свободы.

Во-первых, не допускается подача петиции, имеющей целью отмену приговора или судебного решения, а также представляющей собой вмешательство в процессуальную деятельность суда общей юрисдикции, арбитражного суда, органов следствия и дознания.

Во-вторых, не допускается подача петиции гражданами, находящимися в местах лишения свободы, если сбор подписей ставит под угрозу режим и внутренний распорядок в местах лишения свободы либо противоречит целям и задачам деятельности указанных учреждений.

Первое указанное ограничение, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Порядок обжалования приговоров, решения суда, документов следствия и дознания урегулирован нормами уголовно-процессуального законодательства, поэтому общие положения об обращении граждан здесь не применимо.

Угроза режиму, внутреннему распорядку, а также несоответствие обращения целям и задачам деятельности УИИ - это слишком широкое и оценочное понятие, которое, в свою очередь, нуждается в нормативном толковании.

Вместе с тем некоторые положения Закона Алтайского края "О петициях жителей Алтайского края" могут быть учтены при подзаконном урегулировании коллективных обращений осужденных к лишению свободы.

СОДЕРЖАНИЕ ГРУППОВОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Л.М.Прозументов

Современные тенденции преступности (ее значительное омоложение, увеличение доли тяжких преступлений, увеличение доли преступлений, совершаемых группами, и т.д.) не могут не тревожить общество, государство, граждан. В настоящее время более половины всех преступлений в России совершается лицами в возрасте до 30 лет, наибольшей криминальной активностью среди которых выделяются несовершеннолетние. Многие исследователи отмечают, что преступная активность несовершеннолетних значительно возросла по сравнению с другими возрастными группами: коэффициент преступности несовершеннолетних почти в два раза выше, чем среди взрослых.

Групповой способ совершения преступлений несовершеннолетними продолжает занимать доминирующее положение. Вместе с тем в последние годы произошли существенные качественные изменения в групповой преступности несовершеннолетних. Сегодня наибольший удельный вес в групповой преступности несовершеннолетних занимают преступления, совершенные группами лиц по предварительному сговору. Практика показывает, что значительное число таких групп существует довольно продолжительное время, совершая при этом до нескольких десятков преступлений. Важно отметить, что среди участников таких групп немало подростков, ранее судимых, а следовательно, обладающих определенным опытом преступной деятельности.

Отмеченные выше некоторые характерные черты преступности несовершеннолетних необходимо учитывать при разработке мер предупреждения. Учет этих особенностей тем более важен для тех субъектов предупредительной деятельности, для которых профилактика преступлений несовершеннолетних является основной функцией.

Анализ деятельности многих субъектов профилактики показывает, что чрезмерное увеличение различных методов индивидуально-профилактической работы, до сих пор считающейся основным направлением профилактики, не дает сколь-нибудь ощутимого результата. Причин здесь много, и, не останавливаясь подробно на их анализе, поскольку это не входит в нашу задачу, отметим лишь, что такой подход не учитывает одну из основных особенностей

преступности несовершеннолетних: ее групповой характер. Только с учетом того, что большинство преступлений совершаются подростками в группах, и следует организовывать профилактическую работу. Очевидно, что в определении конкретных форм, методов наряду с методами индивидуальной профилактики должны быть использованы и методы групповой профилактики.

Групповая профилактика может дать наибольший положительный эффект в случае ее начала на уровне ранней профилактики, хотя ее осуществление необходимо, безусловно, и на уровне непосредственной профилактики, и даже профилактики рецидива.

Групповая профилактика предполагает организацию работы с антиобщественными, криминогенными, преступными группами подростков с целью изменения их отношения к основным общественным ценностям. В зависимости от стадии криминального развития группы должны избираться и соответствующие формы, методы работы с ней.

Так, очевидно, что с антиобщественными группами, т.е. группами, которые еще не совершили правонарушений, основным средством будет выступать организация взаимодействия субъекта профилактики с подростками, входящими в такую группу на базе позитивных и значимых для подростков видов деятельности. Другими словами, необходимо организовать интересную для подростков деятельность, направленную на переориентацию сложившихся в группе отношений с асоциальных к позитивным. Поэтому ранняя групповая профилактика в большей мере связана с осуществляемыми изменениями, носящими общесоциальный характер, и применением к группе, отдельным ее членам общевоспитательных мер (организация деятельности членов групп, переориентация лидера группы или ее лидирующего ядра, создание альтернативных позитивных подростковых объединений, изменение внутригрупповых связей и т.п.).

Профилактическая работа с криминогенными (правонарушающими) группами будет иметь свои особенности, которые определяются не только уровнем развития таких групп, но и тем, что они попадают в сферу действия правовых отношений. Следовательно, изменяется круг субъектов, осуществляющих профилактическую работу с подростковыми группами, меняются и формы, методы этой работы. Так, наряду с применением общевоспитательных мер, значительное место в осуществлении групповой профилактики начинают занимать правовые меры: постановка группы (или отдельных ее членов) на учет в органах

милиции; рассмотрение поведения отдельных групп на заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних и принятие ею правовых мер воздействия; разложение группы путем направления лидера или наиболее активных членов группы в специальное воспитательное учреждение в соответствии с решением комиссии по делам несовершеннолетних и др. Представляется, что в отношении правонарушающих групп возможности использования метода по их переориентации несколько снижаются по сравнению, например, с группами антиобщественной направленности, однако мы не склонны преувеличивать и воспитательные возможности правовых методов, применяемых к группам или отдельным их членам с целью распада, разложения групп.

И совсем трудно вести работу по переориентации преступных групп, поскольку чаще всего мы имеем дело не с объединением подростков, возникшим стихийно, а с устойчивой групповой общностью, в которой довольно развиты внутригрупповые связи, сложилась своя иерархия этих связей, учитывающая место каждого подростка в этой общности. Каждое совершенное группой преступление, оставаясь безнаказанным, укрепляет морально-психологическое единство группы, все более связывает ее членов друг с другом и оставляет все меньше возможностей для организации позитивного влияния на группу или отдельных ее членов извне. Очевидно, что основным методом профилактики в отношении преступных групп будет выступать метод разложения, разобщения. Но, как показывает практика, в его осуществлении применительно к преступным группам много сложностей. И одна из главных заключается в том, что крайне сложно установить истинную структуру группы, определить основные внутригрупповые связи, воздействуя на которые (или ломая которые) и можно говорить о разложении преступной группы.

Из сказанного следует, что наиболее эффективными формами групповой профилактики будут те, которые осуществляются на ранних стадиях группового развития. Задержка с организацией профилактической работы в отношении подростковых антиобщественных групп снижает реальные возможности субъектов профилактики в достижении ими позитивного результата.

ПРАВООБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

С.А.Капитонов

С точки зрения теории социального управления правообеспечение возможно определить как организацию поведения людей в соответствии с нормативными предписаниями, которые его регламентируют.

При этом организуемое поведение выступает в качестве ожидаемого социально значимого результата. Объектом управления в таком случае способны выступать условия и обстоятельства, могущие формировать и предопределять его.

В процессе реализации уголовного наказания усилиями сотрудников органов внутренних дел для каждого осужденного должны создаваться такие условия, которые бы формировали у него выраженную установку на несовершение преступлений впредь.

Разумеется, абсолютного результата не будет получено никогда:

- во-первых, определенная часть отрицательных (противоположных ожидаемым) результатов будет получена в силу несовершенства норм уголовного и уголовно-исполнительного законов;

- во-вторых, часть отрицательных результатов будет получена в связи с тем, что общество вновь и вновь будет создавать определенные условия и обстоятельства, способные сформировать у конкретного человека установку на совершение преступления, независимо от того, подвергался ли он ранее уголовному наказанию;

- в-третьих, определенная часть отрицательных результатов может наступить в силу упущений со стороны работников органов внутренних дел.

Представляется, что претензии к сотрудникам, организующим исполнение наказания, могут предъявляться лишь в третьем случае.

С тем, чтобы оснований для претензий к исполнителям наказаний было как можно меньше, они должны определенно знать, а при необходимости и доказательно объяснить:

- в какие конкретно условия помещать осужденного в начальный период отбывания им наказания;

- как эти условия корректировать в ходе срока исполнения наказания в зависимости от того, как он на них реагирует;

- какие условия и обстоятельства следует контролировать в период адаптации осужденных к жизни после отбытия наказания.

Есть основания полагать, что на каждом из этих этапов деятельность сотрудников органов, исполняющих наказание, возможно представить в виде конечной совокупности ситуаций, требующих разрешения, а также конечной совокупности способов разрешения каждой ситуации.

Произойти это может лишь на основе целенаправленного накопления и обобщения опыта прошлой деятельности сотрудников органов, исполняющих наказания.

Процесс этот достаточно сложен и продолжителен, но, во-первых, иного пути, который позволял бы определить истинную роль сотрудников органов внутренних дел в деле исправления осужденных, нет, а во-вторых, в настоящее время имеются идеальные условия для формирования нового подхода к процессу организации исполнения уголовного наказания, поскольку есть возможность сопоставить прежнюю и новую системы правовой регламентации реализации уголовного наказания, а следовательно, усовершенствовать соответствующую ему правообеспечительную деятельность органов внутренних дел.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

В.Д.Филимонов

Новый Уголовный кодекс внес существенные изменения в правовое регулирование освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Если в УК 1960 г. такое освобождение предусматривалось только в отдельных статьях Особенной части (например, в п."б" ст.64), то новый УК решает этот вопрос иначе. Наряду с формами освобождения, предусмотренными в статьях Особенной части (их стало намного больше), ст.75 УК закрепляет общие правила применения этого вида освобождения от уголовной ответственности.

Основополагающим при их определении является положение, согласно которому вопрос об освобождении решается в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Часть 1 ст.75 устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.

Часть 2 ст.75 предусматривает правила освобождения, относящиеся к лицам, совершившим преступления иной категории. Они могут быть освобождены при тех же условиях, но только в случаях, "специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса". Ознакомление с содержанием соответствующих правовых норм приводит к выводу, что требованием ч.1 ст.75 о том, что освобождению подлежит только лицо, впервые совершившее преступление, в этих случаях не является обязательным.

Основанием освобождения от уголовной ответственности по ст.75 является утрата лицом, совершившим преступление, своей общественной опасности. Критериями утраты общественной опасности являются те виды поведения, которые в ней перечислены.

Возникает вопрос, все ли они являются обязательными в каждом случае освобождения.

Грамматическое толкование ч.1 ст.75 приводит к утвердительному ответу на этот вопрос. Однако содержащаяся в ней правовая норма должна быть подвергнута и ограничительному толкованию.

Во-первых, необходимо иметь в виду, что требование о возмещении ущерба или иного заглаживания вреда может относиться только к тем случаям, когда лицо виновно в совершении преступления, причинившего вред, предусмотренный в конкретной статье Особенной

части УК. Известно, что многие статьи указаний на причиненный ущерб не содержат. Например, его нет в составе служебного подлога (ст.292 УК РФ) и в ряде других. Поэтому в такого рода случаях для освобождения от уголовной ответственности указанное требование не является обязательным.

Во-вторых, при совершении некоторых преступлений одни критерии утраты лицом общественной опасности могут поглощать другие. Так, например, во многих случаях явка с повинной после совершения преступления достаточна для того, чтобы оно считалось раскрытым. При этих условиях еще одно предусмотренное ч.1 ст.75 требование - чтобы лицо способствовало раскрытию преступления - становится излишним.

Наряду с изложенным выше ч.1 ст.75 должна быть подвергнута и распространительному толкованию.

В целом ряде случаев основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием будут и тогда, когда после совершения преступления лицо предпринимает меры по предупреждению вреда. Так, если преступное поведение выразилось в оставлении в опасности (ст.125 УК РФ), то деятельное раскаяние может найти выражение в оказании помощи лицу, которое оказалось в такой опасности. В этом случае нет никаких принципиальных различий между возмещением или заглаживанием причиненного преступлением вреда, как одного из юридических оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и предотвращением вреда, который может еще наступить.

К такому выводу приводит анализ ч.2 ст.75.

По буквальному содержанию заключенной в ней правовой нормы освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления, возможно при наличии тех условий, которые перечислены в ч.1 этой статьи. Но в статьях Особой части УК, предусматривающих конкретные виды освобождения в связи с деятельным раскаянием после совершения указанных категорий преступлений, нет ни одной, в которой бы прямо требовалось установление всех трех условий, предусмотренных в ч.1 ст.75.

В одних статьях - ст.126 (похищение человека), ст.206 (захват заложника) - в качестве юридического основания освобождения указывается освобождение человека или захват заложника, в других - ст.205 (терроризм), ст.208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), ст.228 (незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ), ст.275 (государственная измена) -

содействие в предотвращении осуществления преступления, прекращение преступного поведения, способствование раскрытию и пресечению преступления. В третьей группе статьей - ст.223 (незаконное изготовление оружия), ст.208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), ст.222 (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и др. - наряду с другими добровольная сдача оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Можно выделить также группу статей, в которых освобождение от уголовной ответственности связывается с сообщением органам власти о совершенном преступлении, изобличении лиц, совершивших преступления, - ст.204 (коммерческий подкуп), ст.228 (незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ), ст.307 (заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод).

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

В тех случаях, когда элементом состава преступления является причиненный вред, закон при определении оснований освобождения лица в связи с деятельным раскаянием указывает прежде всего на конкретные виды его возмещения или заглаживания. Эти конкретные виды (добровольное освобождение человека или заложника) одновременно выражают и явку лица с повинной, и способствование раскрытию преступления.

При совершении других преступлений закон считает основаниями освобождения конкретизированные виды способствования раскрытию преступления. Во всех этих случаях закон специально о добровольной явке с повинной не говорит. Однако она или предполагается описанием конкретных форм способствования раскрытию преступлений, или должна быть признана основанием установленных видов освобождения в силу прямого указания закона, содержащегося в ст.75 УК.

О КРИТЕРИЯХ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Г. Н. Доронин

Возраст, с которого несовершеннолетние могут нести уголовную ответственность, в истории российского законодательства неоднократно менялся. Потребность в изменении пределов так называемого уголовно-правового совершеннолетия может возникнуть и в будущем. Поэтому определение критериев, позволяющих законодателю принимать обоснованные решения по данному вопросу, представляет не только научный, но и практический интерес.

В юридической литературе нет единства мнений о факторах, учитываемых законодателем, при установлении возраста уголовной ответственности. В.С. Орлов, например, считает, что "в уголовном праве при установлении возрастного признака субъекта преступления учитывалась и учитывается возможность человека разбираться в объективной действительности и сознательно руководить своими действиями".¹

Но такой критерий является слишком общим, а потому малоприменимым для практического использования. Учитывая, видимо, данное обстоятельство, З.А. Астемиров предпринимает попытку как-то по-другому охарактеризовать то качество личности, которое свидетельствует о способности лица отвечать по уголовному закону. Он отмечает, что критерием минимального возраста ответственности выступает "определенный уровень правового сознания" подростка, "когда он в состоянии усвоить нормы, запреты и требования уголовного закона и способен отдавать себе отчет в своих... действиях и руководить ими".² Указанный автор обоснованно обращает внимание на факт достижения несовершеннолетними такого уровня зрелости, когда он способен понять сущность правовых знаний, определить социальные последствия своих поступков с точки зрения действующих норм уголовного права. Недостатком такой позиции является явная недооценка автором значения нравственного развития личности, ее отношений к тем ценностям общества, которые нуждаются в уголовно-правовой охране.

Наиболее предпочтительную позицию в данном вопросе занимает В.Д. Филимонов, который считает, что основным критерием, определяющим минимальный возраст уголовной ответственности, должен быть

¹ Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С.126-127.

² Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970. С.24.

уровень развития личности несовершеннолетнего.¹ Причем указанный автор конкретизирует те личностные сферы, которые должны быть в достаточной мере сформированы.

Во-первых, это определенная зрелость интеллекта несовершеннолетнего, развитие его мышления, способного видеть связи между явлениями, понимать существующие между ними причинно-следственные зависимости и т.д. Во-вторых, это уровень волевого развития, обеспечивающий относительную независимость поведения подростка от влияния окружающих, настойчивость, способность к преодолению трудностей и т.п. В-третьих, это уровень нравственного развития личности, включающий в себя достаточно устойчивые отношения к основным общественным ценностям (жизни, здоровью, собственности и т.д.). В-четвертых, это признаки, свидетельствующие о необходимом уровне развития правового сознания несовершеннолетнего.

Соглашаясь с позицией В.Д. Филимонова по данному вопросу в принципе, представляется необходимым выделить и дополнительный критерий минимального возраста уголовной ответственности, который характеризовал бы опоспособность несовершеннолетних воспринимать угрозу возможной уголовной ответственности в связи с совершением преступления и "выстраивать" в связи с этим адекватную (законопослушную) линию поведения. Установление данного критерия можно рассматривать как реализацию принципа гуманизма российского уголовного законодательства, ибо способность к адекватному восприятию угрозы, исходящей от уголовного закона и практики его применения, способна повысить эффективность механизмов общей профилактики и, тем самым, минимизировать "включенные" подростков в орбиту уголовной репрессии.

Учитывая данный подход, актуальной представляется задача по изучению соотношения личностных свойств, которые непосредственно (в первую очередь) обеспечивают способность подростков нести уголовную ответственность, и качеств, играющих решающую роль в восприятии несовершеннолетними общепреventивных факторов. Можно предположить, что в реальной жизни отсутствует "возрастная синхронность" в развитии этих личностных черт, крайние формы проявления которой, видимо, препятствуют выводу о наличии способности быть субъектом уголовной ответственности.

В целом же представляется необходимыми исследования, позволяющие решить вопрос о личностных характеристиках несовершеннолетних, свидетельствующих об их способности быть субъектом общепреventивного воздействия как одного из критериев минимального возраста уголовной ответственности.

¹ Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973. С. 107.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

М.К. Свиридов

История развития уголовного процесса в цивилизованных странах убеждает, что наиболее благоприятные условия для правильного разрешения уголовных дел предоставляет состязательный тип процесса. В России состязательный процесс был введен реформами 1864 года. Воврав в себя всё лучшее из английского и французского уголовных процессов, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. в то же время сумел отразить самобытность российской жизни.

Сложную картину представлял с собой уголовный процесс времен советской власти. До начала 60-х годов его можно охарактеризовать как обвинительный, находящийся в полном подчинении государства и выполнявший его политическую волю /не случайно в эти годы практически не было оправдательных приговоров/. В 60-е годы появились некоторые признаки реформы советского уголовного процесса с внедрением элементов состязательности. Но это были робкие шаги. И лишь в последние годы в закон были введены положения, дающие возможность превращения нашего уголовного процесса, если не в абсолютно, то хотя бы в большой мере процесс состязательный. Принцип состязательности получил закрепление в Конституции РФ; закреплена исключительность и самостоятельность судебной власти как отдельной ветви, независимой от власти исполнительной; расширены функции защиты; изменено положение прокурора в суде; расширена роль суда в контроле за предварительным расследованием. Однако и сейчас нельзя сказать, что состязательность в российском уголовном процессе проведена последовательно - в нём сохранилось еще довольно много элементов обвинительного процесса, которые необходимо устранить /особенно важно это сделать в связи с предстоящим принятием нового УПК/.

До сих пор действует статья 20 УПК РСФСР, согласно которой суд поставлен в совершенно одинаковое положение с прокуратурой, органами следствия, дознания. То же самое наблюдается и в статье 3 УПК РСФСР, регулирующей вопросы возбуждения уголовного дела. Думается, что содержащиеся в указанных статьях положения должны быть устранены, и в новом УПК России суд должен занимать соответствующую состязательному процессу роль, выполняя лишь одну функцию - разрешения уголовного дела.

Не соответствующим принципу состязательности следует признать и закрепленное в действующем УПК обращенное к судам требование возбуждать уголовные дела /статьи 264,265/. Возбуждение уголовного дела есть начало уголовного преследования, чем суд при состязательном процессе никоим образом не должен заниматься.

Противоречащим, на мой взгляд, принципу состязательности является институт возвращения судом уголовных дел на доследование /п. 2 статьи 221, статьи 232 и 268 УПК РСФСР/. Его наличие свидетельствует об общей /суда, прокуратуры, органов расследования/ заботе об уголовном деле - в большинстве случаев его обвинительной стороне. Здесь нет разделения функций, наоборот, суд, прокурор, органы расследования выполняют одну задачу - обеспечения уголовного дела достаточно полным доказательственным материалом. Задача же суда в состязательном процессе одна - дать на основании представленных сторонами материалов ответ: есть у государства право карать данного подсудимого или такого права нет. И если сами стороны считают /или хотя бы сомневаются/, что этих материалов недостаточно, то им не следует направлять дело в суд; если недостаток материалов обнаружится в судебном заседании /либо в стадии подготовки к нему/, их восполнение должно быть заботой не суда, а сторон, которые сначала должны добиться вынесенного на основе недостаточных материалов судебного решения.

Внесенные в последние годы изменения в УПК РСФСР ограничили возможность направления судами уголовных дел на доследование. Однако ограничения действуют только в отношении суда присяжных - он может вернуть дело на доследование не самостоятельно, а лишь по ходатайству сторон /ст. 429 УПК/. Но и здесь внедрение состязательности осуществлено не до конца: ч. 4 ст. 433 УПК предусматривает самостоятельное возвращение дела на доследование судом присяжных при наличии процессуальных нарушений. М.эгое зависит от того, как толковать существенные процессуальные нарушения - при желании неполноту расследования можно признать таковым, поскольку полнота расследования - тоже требование УПК.

Изложенное, на мой взгляд, дает основание для вывода об исключении из уголовно-процессуального закона права суда возвращать уголовные дела на доследование по своей инициативе. По этому же основанию целесообразно исключить и право суда самостоятельно восполнять недостающий доказательственный материал

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ

Ю.К.Якимович

1. Значение экспертизы в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Как обоснованно отмечается в литературе, экспертиза - это тот канал, через который самые новейшие научные открытия и в самых различных областях научного познания удается успешно использовать в раскрытии и расследовании преступлений.

Особое значение заключению эксперта, в сравнении с другими доказательствами, придает УПК: во-первых, устанавливая обязательные случаи производства экспертизы и, во-вторых, обязывая орган дознания, следователя, прокурора, суд мотивировать свое несогласие с заключением эксперта.

Между тем многие вопросы назначения и производства экспертизы недостаточно четко и полно урегулированы в действующем законодательстве, а в правоприменительной деятельности довольно широко распространены случаи нарушения уголовно-процессуального закона.

2. Ст. 79 УПК устанавливает случаи, когда проведение экспертизы является обязательным. Однако перечень этот не может считаться исчерпывающим, и судебная практика значительно расширила его. С другой стороны, вряд ли является обоснованным требование обязательного проведения экспертизы для определения физического состояния потерпевшего или свидетеля, когда возникают сомнения в его возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. На мой взгляд, в этих случаях можно ограничиться проведением следственного эксперимента.

3. Поскольку заключение экспертизы имеет определяющее значение для принятия как процессуального решения, так и решения уголовно-процессуального характера (например, о применении принудительного лечения), следует наделить участников процесса (обвиняемого, защитника, потерпевшего и др.) правом обжаловать в суд отказ в назначении экспертизы; в том числе повторной и дополнительной.

4. При назначении и производстве экспертизы обвиняемый наделен определенной совокупностью прав, позволяющих ему защищать свои интересы. Нередко потерпевший не в меньшей степени заинтересован в проведении экспертизы, в том, каковы будут ее результаты. Поэтому и потерпевшего следует наделить теми же правами, которые имеются у обвиняемого.

Нельзя также не отметить, что многие следователи не выполняют требования ст.ст. 185, 193 УПК: не знакомят обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы вообще, несвоевременно знакомят с заключением экспертов, приурочивая это действие к моменту выполнения ст. 201 УПК.

5. Многие ученые давно уже предлагают предусмотреть возможность производства экспертизы до возбуждения уголовного дела - следует признать их правоту. Действительно, в некоторых случаях (обнаружения трупа без видимых признаков насильственной смерти, веществ, которые могут быть признаны наркосодержащими веществами, ножей, которые могут быть признаны холодным оружием) невозможно решить вопрос о возбуждении уголовного дела без заключения эксперта. Получившие широкое распространение на практике так называемые "справки об исследовании" не могут заменить заключения эксперта и вообще не имеют какого-либо процессуального значения.

6. Закон предусматривает возможность изъятия образцов для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего лишь при необходимости проверить, не оставлены ли указанными лицами следы на месте происшествия или на вещественных доказательствах. В других случаях изъятие образцов у данных лиц не допускается. На практике же образцы, особенно у потерпевших, изымаются гораздо чаще: для определения групповой принадлежности крови (при убийствах и телесных повреждениях), спермы (по делам об изнасиловании) и т.д. Следовало бы узаконить эту практику, внося соответствующее изменение в ст. 186 УПК РФ.

Следует отметить, что при необходимости изъятия образцов следователь должен вынести постановление, а об изъятии образцов - составить протокол. Следователь может пригласить для участия в изъятии образцов специалиста, но не поручать ему в полном объеме производство данного процессуального действия.

На практике же чаще всего следователь лишь выносит постановление о назначении экспертизы, указывая (или не указывая) на необходимость изъятия образцов. Сам же он не только не изымает образцы, но даже и не присутствует при их изъятии. Естественно, никакого протокола не составляется. Столь существенные нарушения закона позволяют признавать представленное заключение эксперта недопустимым (ч. 3 ст. 69 УПК) и исключать его из числа доказательств по делу.

7. Встречаются в практике назначения, производства и оценки экспертных заключений иные достаточно распространенные недостатки:

1) следователь направляет эксперту не необходимые материалы (как того требует закон), а все уголовное дело. Это затрудняет работу эксперта: он вынужден из всего дела самостоятельно отбирать необходимые материалы. Следователь же фактически приостанавливает дальнейшую работу по делу, поскольку дела у него нет;

2) зачастую постановление о назначении экспертизы составляется так, что, прочитав его, можно сделать вывод об уже якобы доказанной виновности обвиняемого. Это обстоятельство не может не оказывать воздействие как на процесс экспертного исследования, так и на его результаты;

3) следователь, прокурор, суд зачастую весьма некритично относятся к выводам экспертов, не проверяют обоснованность применяемых ими методик, не оценивают достаточность аргументов, приведенных в подтверждение выводов. Особенно это замечание относится к судебно-психиатрической экспертизе.

8. На мой взгляд, следовало бы вывести имеющиеся в системе МВД экспертные учреждения из подчинения последнего.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

А.И.Данилюк

1. Вопрос о правовых средствах прокурорского надзора имеет чрезвычайно важное значение. Между тем в науке этот вопрос достаточно не разработан. А в учебниках по прокурорскому надзору, особенно изданных в последние годы, содержание этого понятия вообще не раскрывается.

Представляется, что правовые средства прокурорского надзора - понятие сложное. Его составными частями являются полномочия, акты и механизм реализации этих актов.

Составные части правовых средств - взаимосвязанные элементы. Только в единстве они могут оказать положительное влияние на борьбу с нарушениями законности. Эффективность их применения находится в прямой зависимости от отрасли, в которой осуществляется прокурорская деятельность.

2. Полномочия - это права и обязанности прокурора. Они направлены на то, чтобы вскрыть и устранить нарушения законности.

Полномочия определяются законом с учетом конкретного должностного положения прокурора.

Здесь видятся проблемы. Во-первых, закон, устанавливающий полномочия, не должен противоречить другим положениям /например, ст. 22 Закона о прокуратуре РФ Закону о банках, где допускается выдача сведений, составляющих коммерческую тайну, лишь по решению суда /. Во-вторых, жизнь требует восстановления ранее существовавшего правила, согласно которому прокурор осуществлял надзор не только за законностью актов, но и за законностью действий суда. В-третьих, требуют отмены положения, ограничивающие полномочия прокурора, например, таких как "проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения закона, требующих принятия мер прокурором" /ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре Российской Федерации /.

3. Акты прокурорского надзора - это формы реагирования на выявленные нарушения закона. Они находятся в зависимости от

характера вскрытого нарушения закона. Здесь также требуется совершенствование Закона о прокуратуре. В частности, необходимо восстановить ранее применяемые прокурором акты: постановление о возбуждении дисциплинарного производства и предписание, - а также ввести новую форму прокурорского реагирования: постановление о приостановлении исполнения незаконного акта либо действия.

4. Механизм реализации актов - это способ проведения в жизнь результатов прокурорской деятельности. В некоторых случаях механизм определяется законодательством. Например, протест прокурора в порядке надзора за исполнением законов подлежит обязательному рассмотрению не позднее чем в десятидневный срок с сообщением прокурору в письменной форме о результатах рассмотрения /п. 2. ст. 23 Закона о прокуратуре Российской Федерации /. Представление прокурора подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца должны быть приняты конкретные меры по устранению указанных в представлении нарушений закона и письменно сообщено об этом прокурору /п. 1 ст. 24 Закона о прокуратуре Российской Федерации/. Однако в целом механизм реализации прокурорских актов все же является неэффективным.

За невыполнение прокурорских предписаний ответственность по существу не определяется. Указание в ст 6 Закона о прокуратуре Российской Федерации на то, что неисполнение требований прокурора влечет за собой установленную законом ответственность, является не более чем декларацией. Поэтому законодательно должна быть установлена конкретная ответственность за конкретное неисполнение прокурорских требований с конкретным механизмом реализации этой ответственности. Не могут оставаться в законе и расплывчатые формулировки, например, такие как "постановление прокурора ... подлежит рассмотрению в срок, установленный Законом" /п.2 ст. 25 Закона о прокуратуре Российской Федерации /. Во-первых, само понятие постановления предполагает не рассмотрение, а исполнение. Во-вторых, всякое и с п о л н е н и е должно быть осуществлено в определённые сроки.

Механизм реализации прокурорских актов предполагает четкость, действенность. Только в этом случае сами с р е д с т в а прокурорского надзора будут э ф ф е к т и в н ы м и.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.

С.Л. Лось

Сложившаяся система правового регулирования общественных отношений в государстве свидетельствует о том, что законодательные органы не имеют достаточно четкого представления об уголовно-процессуальном регулировании и механизме уголовно-процессуального регулирования.

Регулирование вопросов уголовного права, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного права должно быть взаимосвязано, согласовано и систематизировано, так как это связано с единым социально-правовым явлением - правонарушением /административный проступок, преступление/. Проталкивание отдельных законопроектов через законодательные органы, при условии даже достаточной разработанности их, приводит к противоречивости, несогласованности актов, пробелам по отдельным важным вопросам. Значительное количество решений Конституционного суда РФ по уголовно-процессуальным вопросам, непосредственное его вмешательство в область уголовно-процессуального регулирования свидетельствуют об актуальности этой проблемы.

Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, принятые без взаимоувязки между собой и Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, уже породили на практике проблемы их применения и не меньше вопросов в теории уголовного процесса.

В этих тезисах хотелось бы обратить внимание на уголовно-процессуальное регулирование с точки зрения организационной, систематизирующей, функциональной.

Организирующее начало уголовно-процессуального права состоит в том, что при своем создании или изменении оно должно учитывать и быть согласованным с уголовным правом, законодательством об административных правонарушениях, законодательством о правоохранительных органах России, уголовно-исполнительным правом и учитывать развитие и достижения криминалистики.

Если говорить о систематизирующей роли уголовно-процессуального регулирования, то необходимо учитывать специфику совершаемых административных и уголовных правонарушений, организационные особенности построения и деятельности органов, связанных с отдельными видами преступлений, характеризующие признаки личности. Здесь имеется в виду, что правонарушения совершаются в разных сферах общественной жизни - от политических, таможенных до пожарных и сексуальных. Связаны с этими преступлениями различные органы следствия /прокуратура, ФСБ, налоговая полиция, МВД/ и дознания, круг которых еще более широк. Уголовно-процессуальное регулирование не может строиться и без учета характеризующих личность признаков: несовершеннолетние, больные и лица с физическими и психическими дефектами, женщины с учетом их специфики /беременность, наличие детей/, судьи, прокуроры, депутаты, военные, дипломатические работники иностранных государств, лица, впервые совершившие преступления небольшой общественной опасности, и т.д.

Функциональная роль уголовно-процессуального регулирования заключается в том, что оно охватывает разные виды деятельности и преломляет, интерпретирует их к работе по преступлениям, придавая им уголовно-процессуальный характер. Поэтому уголовно-процессуальная деятельность соприкасается, частично включает в себя или полностью охватывает - организационно-функциональную деятельность органов, охранную деятельность, оперативно-розыскную /разведывательную, контрразведывательную/, следственно - дознавательную, криминалистическую, судебную деятельность, уголовно-исполнительную и надзорную деятельность.

Учитывая сказанное, следует отметить, что наиболее глубоко уголовно-процессуальное регулирование связано и непосредственно направлено на определение условий и порядка следствия, дознания, досудебной подготовки материалов, уголовного судопроизводства и кассационного пересмотра приговоров, исполнение приговора, надзорного производства и производства по вновь открывшимся обстоятельствам, а также прокурорского надзора на всех стадиях уголовного процесса.

Предложенная обзорная схема взаимосвязей уголовно-процессуального регулирования свидетельствует о наличии объективной необходимости систематизированного и согласованного регулирования

вопросов уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, организации и деятельности правоохранительных органов и вопросов административных правонарушений. Кроме того, исторический опыт судебной реформы 1864 г. подтверждает правильность этой мысли.

Определение самого понятия уголовно-процессуального регулирования в учебной и научной литературе предпринималось неоднократно /Элькин П.С., Зусь Л.Б. и т.д./, но оно требует более серьезного и глубокого анализа. Здесь же предлагается для анализа и обсуждения только определение понятия, учитывая последующую его разработку и обоснование.

Уголовно-процессуальное регулирование - это определение государством органов и должностных лиц, условий и порядка их действий и деятельности по организации, ведению и контролю процесса проверки факта совершения преступления, подготовке материалов и разрешения уголовно-правового конфликта, вызванного совершением деяния, определению порядка назначения судом уголовного наказания, оспариванию, изменению, освобождению от него или приведению его в исполнение, а также регулированию взаимоотношений с гражданами, в связи с производством по уголовному делу, через создание норм права законодательными органами власти, выражающих интересы большинства населения, и отражающих условия развития общества, и оформленных в Законе (Основы, кодекс, Федеральный закон), через поддержание в действующем состоянии созданного механизма применения исполнительными органами, прокурором и судом норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права путем изучения накапливающегося опыта научными юридическими учреждениями их деятельности по правоприменению, подготовки квалифицированных специалистов-юристов и повышения правосознания населения через средства массовой информации, а на основе этого, в результате изменения общественных отношений, соответствующей корректировки отдельных норм, проведение необходимого толкования положений Закона или определение желаемого направления правоприменительной деятельности по отдельным вопросам высшими органами государственной власти.

ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДЬЕЙ ЕДИНОЛИЧНО

Т.В. Трубникова

Всего нами изучено 86 уголовных дел, рассмотренных Советским и Ленинским районными судами г. Томска в 1995 году. В том числе изучено 68 дел, рассмотренных судьей единолично (из них по 40 делам подготовка велась в протокольной форме), и 18 дел о преступлениях, наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы и которые могли бы быть рассмотрены единолично, но рассмотрены коллегиально.

Все изученные дела, как уже отмечено, рассмотрены двумя районными судами города, и, следовательно, данная выборка не может считаться репрезентативной. Таким образом, выводы из проведенного исследования имеют лишь предварительный характер и требуют дальнейшей проверки и уточнения. Однако уже и это исследование позволяет подметить некоторые любопытные тенденции, среди которых отметим следующее:

1. Очень велика продолжительность производства по делу от момента передачи дела в суд до момента оглашения приговора. Так, в среднем по изученным делам продолжительность этого периода составила в среднем 73 дня. Причем по делам, рассмотренным единолично, - 63 дня, а по делам, подготовка по которым велась в протокольной форме, - 45 дней.

Таким образом, производство по делам, рассматриваемым судьей единолично, производится в среднем быстрее, чем производство по другим делам. Производство по делам, досудебная подготовка по которым велась в протокольной форме, - еще быстрее. Однако из числа изученных дел процессуальные сроки были соблюдены лишь по 3 таким делам. При этом 1 из них было прекращено за примирением сторон. То есть несоблюдение процессуальных сроков является скорее правилом, а не исключением.

2. При этом само рассмотрение дела занимает, как правило, очень немного времени. В 89% изученных дел рассмотрение дела было окончено в течение 1 дня. По 8 делам судом был объявлен перерыв до утра следующего дня перед предоставлением подсудимому последнего

слова. Еще по 2 делам рассмотрение дела было прервано и продолжено лишь через несколько дней без объяснения причин этого. Связано это, по-видимому, с тем, что в промежутке судья, в нарушение требований ст. 240 УПК, участвовал в рассмотрении других дел. Было окончено в один день разбирательство 94% дел, рассмотренных судьей единолично.

Обычно выделяют две основные причины нарушения судом сроков производства по делу. Это - большая загруженность судей и плохая организация их работы. Не отрицая роли этих причин, отметим, что из изучения практики можно сделать вывод о том, что еще одной немаловажной причиной нарушения процессуальных сроков рассмотрения уголовных дел судом является частое отложение рассмотрения дел.

Из числа изученных дел лишь по 17 делам, рассмотренным единолично, не происходило отложения рассмотрения дела. В 75% случаев судебное заседание откладывалось. Откладывались все без исключения дела, рассмотренные коллегиально. 13% дел, рассмотренных единолично, откладывались рассмотрением по два и более раз. Наиболее частыми причинами отложения рассмотрения дел были:

- неявка потерпевшего - 44 случая;
- неявка свидетелей - 60 случаев;
- неявка подсудимого - 34 случая.

Неявка подсудимого была зафиксирована более чем в половине тех уголовных дел, по которым обвиняемый к моменту рассмотрения дела находился на свободе. Судьи разных судов по-разному пытаются найти выход из ситуации, когда подсудимый не является в суд. В частности, судьи Ленинского районного суда выносят постановление о приводе подсудимого. Такое постановление при этом чаще всего выносится неоднократно, и рассмотрение дела затягивается на значительный промежуток времени. Судьи Советского районного суда поступают, в большинстве случаев, иначе. Они, в случае неявки подсудимого, немедленно выносят постановление об изменении меры пресечения в отношении него на заключение под стражу. Но в таком случае подсудимый к моменту рассмотрения дела, как правило, более месяца находится под арестом. И это по делам небольшой общественной опасности. Еще хуже другое. В процессе изучения практики обнаружена тесная связь между видом меры пресечения и применением в качестве меры наказания реального лишения свободы. Если в целом по изученным делам реальное лишение свободы в качестве меры наказания

применялось в 24% случаев, то по делам, по которым подсудимый находился к моменту рассмотрения дела под стражей, реальное лишение свободы избрано судом в 100% случаев!

Таким образом, оба варианта выхода из затруднения, вызываемого неявкой подсудимого, приводят к затягиванию рассмотрения дела и ухудшению положения последнего. Для решения этого затруднения, как нам представляется, законодателю следует расширить возможность применения заочного рассмотрения уголовных дел. Думаю, что суд должен иметь право рассматривать дела о преступлениях небольшой общественной опасности в отсутствие обвиняемого при наличии следующих условий:

1) если подсудимый надлежащим образом извещен о месте и времени рассмотрения дела и не явился в суд (причем причины неявки неуважительные или неизвестны суду) либо если подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие и

2) если суд сочтет, что дело может быть рассмотрено в отсутствие подсудимого.

Возможно и дополнение перечня условий указанием на то, что заочное рассмотрение дела возможно только в случае полного признания обвиняемым своей вины. Такое признание имелось по 56% из числа изученных дел.

Другая распространенная причина отложения дел, как уже было указано, это - неявка потерпевшего и свидетелей. При этом явка всех вызванных свидетелей отмечена в 14% дел (10 случаев), причем в 6 случаях из них вызывался только один свидетель. В 30% дел судебное заседание проводилось в отсутствие всех свидетелей. В этом случае суд разрешал дело на основе письменных материалов, собранных на досудебных стадиях производства по делу. Так как причины неявки свидетелей суду чаще всего не известны, судья не имеет возможности огласить показания неявившихся свидетелей. Так, по изученным делам показания свидетелей оглашались лишь в 18% случаев их неявки. Отсутствие ряда свидетелей, неисследование их показаний судом влекут за собой невозможность сослаться на них в приговоре, что, в свою очередь, приводит к немотивированности приговоров суда.

По делам, судебная подготовка по которым производилась в протокольной форме, в 42% случаев единственным доказательством виновности, исследованным в судебном разбирательстве, было признание своей вины подсудимым, а в 2 случаях подсудимый отрицал

свою вину, однако суд выносил обвинительный приговор, основанный исключительно на его объяснениях, данных в процессе досудебной подготовки, а также на разного рода актах изъятия, справках об исследовании и прочих материалах, собранных в ходе досудебной подготовки в протокольной форме и не имеющих доказательственного значения.

Следует добавить также, что государственный обвинитель и защитник по этим делам практически не участвуют. Так, прокурор принял участие в рассмотрении 3% дел, рассмотренных единолично, а защитник - в рассмотрении 26% таких дел.

Таким образом, вопреки началам непосредственности, устности, состязательности судебного разбирательства, уголовные дела небольшой общественной опасности рассматриваются судьей единолично практически в порядке судебного приказа (т.е. на основе исследования материалов, собранных в досудебных стадиях процесса).

Поэтому представляется возможным введение в качестве упрощенного (ускоренного) порядка судопроизводства по делам небольшой общественной опасности института судебного приказа с некоторыми дополнениями к его классической форме. Думается, что использование этого института возможно при наличии следующих условий:

- 1) исследование обстоятельств дела на досудебной стадии путем производства следственных действий;
- 2) предложение прокурора о вынесении судебного приказа с указанием предполагаемой меры наказания;
- 3) признание обвиняемым своей вины;
- 4) допрос обвиняемого судьей с целью исключения возможности признания обвиняемым своей вины под давлением;
- 5) ограничение меры наказания, которую можно избрать в порядке судебного приказа определенным пределом (скажем, не более 6 месяцев лишения свободы или более мягкое наказание).

При этом в порядке судебного приказа, на наш взгляд, уголовные дела могут рассматриваться в районном суде. Для производства же у мировых судей ускорение производства по делу должно достигаться за счет введения порядка неотложности (то есть за счет переноса центра тяжести с досудебной подготовки на судебное разбирательство).

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В СТАДИИ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В.В.Ясельская

Пункт 3 статьи 123 Конституции РФ гласит, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. В теории уголовного процесса утвердилась точка зрения, что понятия "уголовное судопроизводство" и "уголовный процесс" тождественны. Однако принцип состязательности полностью может реализоваться лишь в стадии судебного разбирательства, когда равные между собой стороны обвинения и защиты состязаются в представлении доказательств и аргументов в пользу того или иного довода, а суд выслушивает эти доводы и выносит решение по делу, т.е. выполняет единственную функцию - разрешения правового спора.

В досудебных стадиях процесса состязательность имеет усеченный характер. Выражается это в том, что на данном этапе производства реализуются только две основные функции - обвинения и защиты, а функция разрешения дела отсутствует, и ее не должно быть. Это обусловлено тем, что основным назначением предварительного расследования является сбор доказательственного материала для суда.

Несмотря на то, что полностью состязательным досудебное производство сделать нельзя, элементы состязательности на этой стадии необходимо расширять. У стороны обвинения и защиты неравные процессуальные возможности в доказывании на этой стадии процесса. На следователя по законодательству РФ возложена обязанность собирать и обвинительные, и оправдательные доказательства. Таким образом, следователь вынужден одновременно выполнять абсолютно противоположные функции. Неоднократно ученые-процессуалисты указывали, что одному и тому же человеку оказывается психологически не под силу быть и обвинителем, и защитником по делу. Получается, что следователь является своим собственным противником. Он не может быть заинтересован в том, чтобы обличить лицо, и не привлечь его к ответственности.

Защитник на этом этапе судопроизводства самостоятельно собирать доказательства не может. Он лишь вправе участвовать в допросе подозреваемого и обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с их участием; запрашивать через юридические консультации справки, характеристики и иные документы из государственных и общественных организаций; заявлять ходатайства. Например, защитник может ходатайствовать перед следователем о допросе лица, которое может сообщить сведения, оправдывающие его подзащитного. Однако необходимо учитывать, что при этом он обращается к лицу, выполняющему обвинительную функцию. В силу одностороннего характера своих функций следователь может упустить или не придать значения обстоятельствам, необходимым для защиты? Ограничение прав защитника в собирании доказательств в досудебной стадии непосредственно отражается на характере судебного разбирательства. Прокурор имеет действенную силу - доказательства, полученные на предварительном следствии, а роль защитника сводится к тому, чтобы проверить и оценить их, выявить упущения и недостатки работы следователя, обратить на них внимание суда. О реальном состязании можно говорить лишь тогда, когда у сторон имеются равные возможности и средства. Чтобы у суда появилось доверие к защитнику, последний должен обладать достаточной совокупностью оправдательных доказательств.

Отечественные ученые - процессуалисты высказывали предложения о расширении возможностей защиты в досудебных стадиях процесса. В частности, в дореволюционной и современной литературе утвердилась позиция о правомерности предпроцессуальной деятельности защитника. Это значит, что для восполнения необходимых сведений по делу, защитник может беседовать с очевидцами, осматривать местность, разыскивать предметы и документы, которые могут стать доказательствами по делу, прибегать к услугам частных детективов.

На практике защитники уже используют эти возможности: беседуют с лицами, которым что-либо известно по делу, производят неофициальные осмотры мест происшествия, эксперименты.

Желательно, чтобы в адвокатской практике эти методы использовались чаще. Информация, полученная в результате проведения этих действий, может быть использована адвокатом для выдвижения версий. Он может заявлять ходатайства перед следователем о проведении повторных осмотров следственных экспериментов, о

проведении допросов. Тем самым поможет направить следствие на верный путь и выяснить истину, предотвратить ошибки.

Не обойден вниманием этот вопрос и в проектах УПК. Так, в ч. 3 ст. 76 проекта УПК, подготовленного в ГПУ, отмечено, что защитник, допущенный в установленном порядке к участию в деле, вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе опрашивать частных лиц, ... прибегать к услугам частных детективов и частных детективных предприятий и т.д. Аналогичное положение содержится в проекте, подготовленном в соответствии с федеральной программой РФ по усилению борьбы с преступностью.

Однако возникает сомнение в правильности изложения данного положения в статье "Собирание доказательств". Ни результаты опроса, ни результаты частной детективной деятельности никакого доказательственного значения в уголовном судопроизводстве не имеют. У них иная природа. Поэтому целесообразно аналогичные права защитника закрепить в законе об адвокатуре. В УПК РФ необходимо определить, как сведения, полученные защитником непроцессуальным путем, трансформировать в доказательства.

Некоторые действия, отнесенные к компетенции частных детективов, могут выполнять защитники сами, например устный опрос, наблюдение. Поэтому в законе об адвокатуре необходимо определить круг допроцессуальных действий, которые может совершать защитник по уголовному делу.

Чтобы по возможности уравнять стороны на предварительном следствии, необходимо защитнику предоставить дополнительно процессуальные права. Думается, что если этому участнику процесса предоставить право самостоятельно проводить следственные действия, то это приведет к совершенному разобщению обвинения и защиты на предварительном следствии, что может причинить существенный вред правосудию. Целесообразнее было бы расширить круг следственных действий, в которых может участвовать защитник, не ограничиваясь теми, которые производятся по его ходатайству, и детально регламентировать его роль при проведении отдельных следственных действий. Это будет способствовать нейтрализации обвинительного уклона следователя и уменьшению ошибок.

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Л.В. Майорова

Важнейшей составной частью проводимой в России судебной реформы является реформирование предварительного следствия. Создание концепции предварительного следствия явилось ядром реформ уголовного судопроизводства, проводимых в Италии в 1989 г. и во Франции 1993 г. (за последние годы это наиболее крупные события в европейской науке уголовного процесса). В России очень важно сейчас изучение не только идей, но и техники проведения правовых реформ.

Безусловный интерес представляет богатая история становления и развития предварительного следствия в России.

Судебной реформой 1864 года в уголовной юстиции был создан новый, ранее не существовавший орган предварительного следствия - судебный следователь. Следует обратить внимание, что после Судебной реформы 1864 года в конце XIX века в России среди ученых и практиков остро обсуждался вопрос о путях улучшения предварительного следствия, звучала критика неудовлетворительной организации предварительного следствия. Наделение судебного следователя взаимоисключающими функциями (розыскными, обвинительными, защитительными и судебно-юрисдикционными) привело к атрофии одних из них и сделало судебного следователя органом обвинения.

В первые годы советской власти функция расследования общеуголовных преступлений была возложена на специальные следственные комиссии, состоявшие при судах и трибуналах, а также на ВЧК и органы милиции.

В своем дальнейшем развитии органы расследования претерпели ряд серьезных преобразований.

Первая реформа относится к 1922 г., весь следственный аппарат сосредоточивался в системе органов юстиции, с 1928 г. - следственный аппарат переходит в ведение прокуратуры. Решением ВЦИК и СНК от 20.10.1929 г. прокурорам предоставлялось право поручать милиции расследование любого преступления. На практике это привело к тому, что милиция, не являясь органом предварительного следствия расследовала более тридцати лет практически большинство дел.

Принятые в 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик наделили правом производства предварительного следствия только следователей прокуратуры и госбезопасности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6.04.1963 право производства предварительного следствия было предоставлено МООП, позднее переименованное в МВД.

В целом же сложившаяся система предварительного следствия просуществовала в России более тридцати лет.

Дискуссионным является вопрос о создании Следственного комитета. За последнее время существенно изменилась социально - экономическая ситуация в России, ухудшилась криминогенная обстановка, и поэтому неудивительно, что многие юристы, ранее поддерживающие идею образования Следственного комитета, в настоящее время считают ее несвоевременной.

Создание монопольного следственного аппарата может лишь ухудшить положение дел в борьбе с преступностью. Наличие относительно независимых, дублирующих друг друга в какой - то части подсистем усиливает надежность всей системы, хотя и значительно усиливает расходы на ее функционирование.

Реформирование предварительного следствия включает не только вопросы организации, но и сложные проблемы взаимоотношений суда, прокурора и следователя.

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В СУДЕ

А.Д. Назаров

Для восполнения в суде пробелов предварительного расследования со стороны государственного обвинителя (в дальнейшем - обвинителя) предпринимаются следующие действия.

I. Подробный допрос подсудимого.

Все доводы и аргументы подсудимого должны быть проверены в ходе допросов потерпевших, свидетелей, экспертов путем проведения в суде экспертиз, осмотров вещественных доказательств, местности, помещения, опознания, эксперимента, оглашения документов и т.д.

Если подсудимый не признает себя виновным, отказывается от своих признательных показаний, данных им в ходе предварительного расследования, объясняя это применением к нему со стороны следователя, дознавателя, оперативных работников милиции недозволённых методов ведения следствия или дознания, то обвинитель заявляет ходатайства о допросе в качестве свидетелей, указанных лиц, на которых ссылается подсудимый, а также лиц, с которыми совместно содержался подсудимый в следственных изоляторах или изоляторах временного содержания.

Активность обвинителя в большинстве случаев позволяет в суде дать должную оценку изменившейся позиции подсудимого: или она, действительно, истинная, или подсудимый вводит суд в заблуждение, желая уйти от ответственности.

II. Подробные допросы потерпевших, свидетелей.

Допросы в суде потерпевших, свидетелей являются результативными, дают возможность незамедлительного проведения очных ставок в суде, эффективно устраняющих противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц. Потерпевшие, свидетели могут сообщить суду новые сведения о преступлении, ставшие им известными уже после допроса у следователя, дознавателя. Обвинитель в суде располагает широкими возможностями изобличения лжесвидетельства.

Восполняя пробелы предварительного расследования, обвинитель может ходатайствовать перед судом о вызове в суд новых свидетелей, которые не указаны в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Эффективен допрос в качестве свидетелей лиц из числа публики в зале судебного заседания, родственников, соседей, сослуживцев подсудимого, понятых, лиц, попавших в поле зрения следственно-оперативных работников в ходе расследования дела, но не допрошенных следователем, дознавателем.

III. Проведение в суде по ходатайствам обвинителя экспертиз, допросов экспертов.

В настоящее время сложилась практика, когда психиатрические, наркологические экспертизы проводятся в суде, без направления дела на исследование. Таким же образом возможно проведение в суде и иных экспертиз: психологической, криминалистической, автодорожной и т.д. Исходные данные для проведения этих экспертиз могут быть получены по запросам судов, а также могут быть представлены обвинителем.

Необходимая информация для восполнения пробелов расследования может быть получена при допросе эксперта в суде.

IV. Приобщение к делу документов, проведение в суде иных следственных действий по ходатайствам обвинителя.

Стремление обвинителя использовать для восполнения пробелов расследования осмотра судом местности и помещений (места происшествия), вещественных доказательств, опознания, эксперименты, иные следственные и процессуальные действия часто дает положительный результат.

Для проведения организационных, поисковых, оперативно-розыскных мероприятий по осуществлению своей процессуальной деятельности в суде в восполнении пробелов предварительного расследования обвинитель (как прокурор, надзирающий за следствием и дознанием) может привлечь следователя, дознавателя, расследовавших дело, рассматриваемое в суде, иных работников милиции.

Дача указанным лицам заданий, поручений прокурора возможна в период подготовки к судебному разбирательству по делу, в перерывах в судебном заседании, в промежутках, когда разбирательство дела в суде отложено.

Обвинитель, действуя активно в суде при восполнении пробелов предварительного расследования, осознаёт, что направление дела на дополнительное расследование осложняет достижение задач уголовного судопроизводства.

СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛЬГИИ, ДАНИИ, РОССИИ

А.С.Шагинян

1. В зарубежном уголовно-процессуальном праве, помимо обычного порядка производства по уголовным делам, существуют и специальные формы, одной из которых является заочное производство. Институт заочного производства представлен в уголовно-процессуальном праве практически всех европейских стран, в том числе в Бельгии и Дании.

2. Уголовно-процессуальные законы (уголовно-процессуальный кодекс - в Бельгии, Закон " Об отправлении правосудия" - в Дании) не возлагают обязанность, а предоставляет право подсудимому присутствовать при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Поэтому если подсудимый отсутствует в суде, то дело рассматривается заочно. Защита не имеет права представления интересов подсудимого при его отсутствии (за исключением редких случаев). Если выносится обвинительный приговор, подсудимый может воспользоваться особым средством защиты - протестом. Если же подсудимый не опротестовал заочный приговор либо опротестовал его, но не явился в назначенное время в суд, то такой приговор вступает в законную силу.

3. Заочное производство проводится по правилам, установленным для обычного рассмотрения уголовных дел. Однако при рассмотрении дел в суде присяжных заседателей в Бельгии имеется ряд особенностей: а) подсудимый не имеет права отсутствовать в зале суда; б) если все же он не явился, применяется специальная процедура, суть которой в том, что слушания проходят без присяжных и без присутствия защитника, а решение принимается судьей единолично, в котором содержится требование принудительного привода подсудимого в суд. В случае ареста последнего приговор, вынесенный в порядке заочного производства, автоматически аннулируется, и назначается новое разбирательство по делу, на этот раз с присяжными заседателями [См.:

4. Особенностью института заочного производства в Дании является: а) заочное разбирательство возможно лишь по письменному заявлению подсудимого; б) при рассмотрении дела о малозначительном преступлении решение может быть принято судом заочно и без указанного заявления; с) если же подсудимый не является по уважительным причинам: и суду известно об этом, то правила заочного производства не применяются, и дело откладывается. Если подсудимый необоснованно отсутствует, то может быть выдан ордер на его арест [См : GREVE V. Criminal Procedure in Denmark. Copenhagen, 1991].

5. К числу отличительных черт заочного производства по уголовным делам Бельгии и Дании, с одной стороны, и в России, с другой, можно отнести то, что: а) уголовно-процессуальные законы определяют заочное разбирательство как специальную форму уголовного судопроизводства, для которой существуют определенный порядок, правила его проведения. В российском же уголовно-процессуальном праве нет такого института, а элементы заочного производства рассматриваемых стран, содержащиеся в ст. 246 ч.2 УПК РФ, скорее являются исключениями из правил; б) при несогласии подсудимого с вынесенным в его отсутствие решением суда, в российском варианте, приговор, вынесенный заочно, обжалуется в обычном порядке (кассационная жалоба), а в уголовном процессе рассматриваемых стран предусмотрено специальное средство обжалования (т.н. "оппозиция" в Бельгии, протест - в Дании). Суть такого специального средства в том, что, с одной стороны, заочное производство служит быстрому разрешению уголовных дел (суды не откладывают слушания по делу из-за отсутствия подсудимого), а с другой - процессуальные гарантии прав подсудимого не ограничиваются, поскольку в случае несогласия последнего с заочным приговором (в форме подачи протеста) дело вновь рассматривается по существу с участием всех заинтересованных сторон; с) решение с проведением судебного разбирательства в отсутствие подсудимого в России принимает только суд, соблюдая, не будет препятствовать установлению истины по делу.

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Н.Г. Стойко

Опыт реформирования российской уголовной юстиции показал, что формально-правовой (совершенствование законодательства с позиции новой уголовной доктрины) и формально-организационный (укрепление материально-технической, финансовой, кадровой и т.п. основы деятельности соответствующих органов) подходы сами по себе не способны изменить сложившуюся практику. Поэтому следует планировать и постепенно, поэтапно, пошагово осуществлять мероприятия, создающие не только непосредственно в сфере уголовной юстиции, но в самом обществе условия для реального взаимодействия преступника и жертвы. С этой точки зрения наиболее перспективным представляется план реформ, основанный на социальной работе с людьми, вовлеченными в криминальный конфликт.

В нашей стране социальная работа как особый вид профессиональной деятельности, направленной на разрешение лично и социально обусловленных проблем, находится в стадии формирования. Тем не менее уже организованные институты социальной работы (ведомства, социальные службы) обладают определенным потенциалом, который мог бы быть использован для раскрытия социально-интегративной функции уголовного права.

Первый шаг в движении уголовной юстиции в сторону социальной работы должен состоять в поощрении активности потерпевшего, который в уголовном процессе лишен возможности не только фактически, но и юридически наравне с обвиняемым влиять на приговор суда (например, путем заявлений, аналогичных последнему слову обвиняемого).

Второй шаг должен быть сделан вне рамок уголовной юстиции и заключаться в развитии существующих и иницировании новых форм оказания социальной помощи и поддержки жертвам преступлений независимо от того, возбуждено ли уголовное дело, задержан ли преступник, может ли он компенсировать причиненный вред. Соответственно и обвиняемым в совершении преступления не может

быть отказано в праве на социальную помощь. Ответственность за организацию такой помощи должны взять на себя как сами органы уголовной юстиции (в штаты которых следует ввести должности социальных работников, социальных педагогов, психологов и т.п.), так и социальные службы. Причем некоторым социальным службам, специализирующимся, например, на работе с несовершеннолетними и молодежью группы риска, женщинами, следовало бы дать право и возложить юридическую обязанность участвовать в уголовном деле путем исследования индивидуальных и личностных качеств своих клиентов, их ближайшего социального окружения с точки зрения целесообразности применения к ним задержания, заключения под стражу и конкретной меры наказания.

Третий шаг в реформировании уголовной юстиции в контексте социальной работы связан с необходимостью, вытекающей из современного уголовного права, участия социальных служб или специальных подразделений правоохранительных органов контрольно-профилактической направленности (например, органов уголовно-исполнительной системы) в примирении между обвиняемым и потерпевшим в качестве посредников.

Следующий, четвертый шаг реформирования уголовной юстиции (основанный на криминологических теориях реинтеграционного порицания преступника, интеракционизма, обучения и контроля) заключается в возрождении идеи общественного правосудия в нашей стране. Речь идет о построении модели такой практики, где, с одной стороны, демонстрируется порицание того, что совершил преступник, а с другой - поддерживаются отношения уважения к нему как к человеку, создаются условия для его поощрения.

Осуществление рассмотренных здесь шагов реформирования уголовной юстиции в контексте социальной работы потребует немалых усилий и затрат. Однако уже в результате первых двух шагов может произойти переход от однонаправленной модели уголовной юстиции (бесчеловечной) к ценностно ориентированной, признающей человеческую ценность обвиняемых и потерпевших, хотя и "продавливаемой" ее силой государственного принуждения. В результате последующих двух шагов начнется реальное движение к личностно ориентированной модели, от формального функционирования к позитивному разрешению криминальных конфликтов.

В правовой литературе, посвященной вопросу уголовно-процессуальной ответственности, выделяют два ее аспекта - это позитивная и негативная процессуальная ответственность.

В стремлении раскрыть и показать позитивный характер процессуальной ответственности предпринята попытка соединения в общем понятии правовой ответственности философских, этических, социально-психологических понятий с юридическими категориями. Позитивная ответственность определяется как зависимость участников судопроизводства от государства, сознательное выполнение обязанностей. Основания позитивной процессуальной ответственности определяются как требования уголовно-процессуального законодательства, предъявляемые к субъектам уголовного судопроизводства, предусмотренные их процессуальные права и обязанности, эмоциональное переживание и осмысление обращенных к ним требований (Коврига З.Ф.). Сама же позитивная ответственность субъекта судопроизводства - есть осмысленное, осознанное отношение к своим обязанностям, обязанность совершать действия, регламентированные законом. Не тавтологично ли определять ответственность через обязанность выполнять обязанности, хотя и осознанно ?

Обязанность есть не что иное, как определенный круг действий, возложенных правовой нормой и безусловных для исполнения. Ответственность же есть "обязанность о т в е ч а т ь за свои действия" (С.И.Ожегов). Обязанность - это основание возникновения и существования ответственности. Осмысленное, осознанное отношение субъекта судопроизводства к своим обязанностям является психологическим элементом процесса воздействия на личность с целью побудить к желаемому поведению и является результатом социального воздействия права, но и жизненного опыта, результатом осмысления деятельности, оно может выражать собственное отношение лица к окружающему. Определение позитивной процессуальной ответственности через психологические критерии личности, через понятие моральной, личностной ответственности представляется неправомерным. Подобная же постановка вопроса позволяет сделать вывод о том, что субъект судопроизводства, наделенный определенным кругом прав и обязанностей и надлежаче их осуществляющий, находится в

положении вечной ответственности.

Сущность негативной процессуальной ответственности заключается в возможности применения к нарушителю уголовно-процессуальной обязанности санкции. За процессуальные нарушения могут применяться самые различные санкции, в т.ч. чисто процессуальные (отстранение следователя от ведения следствия, возвращение дела для производства дополнительного расследования и т.п.). Санкция является необходимым элементом правопорядка, способом реагирования на правонарушения. Даваясь широким понятием, санкция охватывает всю систему средств правового принуждения, включая юридическую ответственность и меры защиты, восстановительные меры. Юридическую ответственность формируют штрафные санкции. Специфика же уголовно-процессуального права заключается в том, что санкции данной отрасли в большинстве своем носят правовосстановительный характер. В связи с чем правомерен вопрос о том, является направление дела для производства дополнительного расследования или отмена приговора, вынесенного с нарушением уголовно-процессуального законодательства, ответственностью, или мерами защиты, носящими восстановительный характер? Невыполнение должностным лицом предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством прав и обязанностей может носить как виновный, так и невиновный характер (оценка доказательств по внутреннему убеждению). При наличии вины к соответствующему должностному лицу должны быть применены меры дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Направление уголовного дела для производства дополнительного расследования и т.п. не ставит своей целью наказание, кару, а скорее носит восстановительный характер и не может быть отнесено к ответственности при отсутствии вины должностного лица в нарушении уголовно-процессуального законодательства.

ПОНЯТИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ПРОЕКТАХ УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.К. Аверченко

Давно назревшей необходимостью в условиях проводимой в нашей стране правовой реформы является принятие нового Уголовно-процессуального кодекса.

Проекты УПК РФ были опубликованы еще в 1994-1995 годах и создают, на наш взгляд, почву для критических замечаний.

Так, ст. 78 проекта, подготовленного группой Государственно-правового управления при Президенте РФ (руководитель группы С.В.Вицын), определяет подозреваемого как лицо, в отношении которого судом или органом уголовного преследования вынесено решение о задержании для предъявления обвинения, или лицо, задержанное по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления или в отношении которого вынесено постановление об избрании меры пресечения¹.

Статья 39 проекта УПК рабочей группы Министерства юстиции РФ под руководством С.Б.Ромазина признает подозреваемым лицо, в отношении которого в связи с подозрением в совершении преступления возбуждено уголовное дело или осуществлено задержание, либо применена мера пресечения до предъявления обвинения².

Предложенные варианты не устраняют существенный недостаток действующего закона: не раскрывается материальный признак подозреваемого, приводится лишь перечень мер процессуального принуждения, которые к нему не могут быть применены, к тому же явно неполный и требующий расширения, в частности за счет допроса в качестве подозреваемого.

Остаются неясными основания признания лица подозреваемым, их правовая природа - доказательства ли это, или данные непроцессуального характера.

Предоставление суду функции задержания противоречит сущности и роли этой меры процессуального принуждения как неотложного следственного действия. Такое дополнение закона вряд ли обосновано.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Проект/ Вицын С.В., Куцова Э.Ф. и др.// "Российская юстиция". 1994. № 9. С. 36.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Проект/ Ромазин С.Б., Алексеев В.Б. и др.// "Российская юстиция". 1994. № 11. С. 43.

Не добавляет ясности в определение подозреваемого и отнесение к числу процессуальных актов, необходимых для придания лицу этого статуса, вынесения в отношении него постановления о возбуждении уголовного дела.

Во-первых, уголовное дело далеко не всегда возбуждается в отношении конкретного лица.

Во-вторых, решение о его возбуждении принимается на основании сведений непроцессуального характера.

Следуя логике авторов проекта, эти же сведения являются и основанием признания лица подозреваемым, что сводит на нет любые требования к доказанности его причастности к преступлению.

В связи с изложенным представляется возможным предложить для обсуждения следующее определение подозреваемого: подозреваемым по уголовному делу является лицо, в отношении которого получены доказательства, свидетельствующие о его причастности к совершению преступления и достаточные для его допроса в качестве подозреваемого, задержания либо применения меры пресечения до предъявления обвинения, с момента выполнения любого из перечисленных процессуальных действий.

Основным в содержании предлагаемого определения является единство материального (причастность к преступлению) и процессуального (совершение процессуальных действий) признаков подозреваемого.

При этом речь не идет и не может идти о виновности лица, а именно о причастности к преступлению, определяемой на полученных процессуальным путем доказательствах.

Перечисленные процессуальные действия (допрос, задержание, применения меры пресечения) выполняются уже на основании оцененной таким образом совокупности доказательств и влекут за собой формирование у лица правового статуса подозреваемого.

Расширение перечня процессуальных действий за счет допроса подозреваемого представляется логичным, так как именно в ходе допроса лицу объявляется, в совершении какого преступления оно подозревается, и разъясняются предусмотренные законом права подозреваемого.

Как правило, в ходе или непосредственно после допроса заявляется и большинство ходатайств, что свидетельствует о важности этого следственного действия в процессе реализации прав подозреваемого.

О. В. Ведерникова

Судебный федерализм как форма организации судебной власти базируется на решении двух вопросов: 1) о разграничении компетенции по вопросам самоустройства и судопроизводства между федерацией и ее субъектами; 2) о разграничении полномочий по осуществлению правосудия (юрисдикционной деятельности) между федеральными судебными органами и судебными органами субъектов федерации. Различия в способах решения данных вопросов определяют разнообразие моделей современного судебного федерализма.

При этом модели современного судебного федерализма определяются самой формой федерации, балансом власти в территориальном аспекте.

Различают две основные модели федерализма: дуалистический федерализм и кооперативный федерализм. Дуалистический федерализм базируется на идее равновесия между федерацией и ее субъектами, которые имеют различную компетенцию и не вмешиваются в дела друг друга. Данная концепция лежит в основе организации государственной власти в США.

Концепция кооперативного федерализма основана на идее взаимного дополнения центра и субъектов федерации, их взаимовыгодного сотрудничества. На этой идее базируется ряд современных европейских государств, включая ФРГ.

Различия в подходах к общим проблемам построения федерации обусловили существование различных моделей организации судебной власти в федеративных государствах.

Дуалистическая модель судебной системы характерна для стран "общего права" - США, Канады, Австралии - и предполагает разграничение судебной власти (как и любой другой) между федерацией и ее субъектами. При этом федеральные суды являются органами осуществления судебной власти федерации, а суды штатов (провинций) выступают как органы судебной власти субъектов федерации.

Американская модель судебного федерализма представляет собой, по оценке самих американских исследователей, "исключительно сложную систему". Отличительные черты данной модели: отсутствие единой судебной системы, множественность независимых друг от друга судебных систем субъектов федерации, параллельное функционирование федеральной системы судов и самостоятельных судебных систем штатов. Последнее наиболее важно, т.к. характеризует специфику именно американской модели судебного дуализма, где существует двойная иерархия судебной системы страны. С одной стороны, трехзвенные судебные системы штатов, возглавляемые, как правило, Верховным судом штата. С другой - трехзвенная система федеральных судов с полным набором судов первой инстанции на федеральном уровне, возглавляемая Верховным судом страны. Следует учесть также, что реальное функционирование американской модели судебного дуализма осложняет проблема множества источников права, порождающая коллизии между законодательными актами различных штатов.

Анализируя европейский опыт организации судебной власти, можно выделить следующие модели судебной системы: децентрализованную (в Швейцарии), централизованную (ФРГ) и унитарную (Австрия, Бельгия).

В соответствии с Конституцией Швейцарского союза 1874 года (ст. 64а) Союз имеет право законодательства по вопросам гражданского и уголовного права. Организация суда и судопроизводства находятся в ведении кантонов. В результате в Швейцарии действуют 26 кантональных гражданских процессуальных кодексов и столько же уголовно-процессуальных кодексов, но единые для всей страны гражданское и уголовное законодательства. В каждом кантоне действуют свои законы о судостроительстве, причем судебные системы отдельных кантонов отличаются большим своеобразием.

Таким образом, при децентрализованной модели судебная власть сосредоточена в основном на уровне субъектов, а федеральные суды действуют только на самом высоком уровне.

Централизованная модель предполагает большую роль федерации в сфере законодательства и судебной власти. В соответствии с немецкой доктриной кооперативного федерализма компетенция федерации и земель распределяется таким образом, что решающая роль в правовом регулировании принадлежит федерации, а на долю земель остается

ся регулирование в порядке конкурирующей компетенции тех вопросов, которые не урегулированы федерацией, включая гражданское и уголовное право, исполнение приговоров, судоустройство и судопроизводство.

На практике это выражается в том, что в ФРГ действует единое для всей страны гражданское и уголовное законодательство, единое процессуальное законодательство, а также единое законодательство о судоустройстве, регулирующее организацию и деятельность судов общей юрисдикции, социальных, трудовых, административных судов, федерального конституционного суда. При этом иерархия судебной структуры строго централизована, а федеральные судебные органы выполняют роль высших судебных инстанций.

В Австрии и Бельгии вопросы гражданского и уголовного права, судоустройства и судопроизводства регулируются исключительно федеральными властями. При этом отсутствует разделение судебной системы на федеральную и систему субъектов федерации, система судов четко организована и по существу является единой для всего государства. Таким образом, в государствах с данной моделью судоустройства отсутствует судебный федерализм и связанная с ним раздробленность судебной власти. Судебная власть является единой и неделимой на территории всего государства.

Учитывая предложенную выше классификацию моделей судоустройства в федеративных государствах, попробуем определить тип судебной системы, установленной новым российским законом "О судебной системе Российской Федерации". Анализ данного закона позволяет сделать вывод о наличии в РФ централизованной модели судебной системы, где решающая роль в регулировании вопросов судоустройства и судопроизводства принадлежит федерации. В то же время субъекты федерации обладают определенными полномочиями в сфере регулирования судебной деятельности, что позволяет говорить о наличии элементов федерализма в судоустройстве Российской Федерации.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Н. В. Шигалов

В современных условиях одним из приоритетных направлений по совершенствованию деятельности правоохранительных органов является развитие их единой информационной базы, в частности экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП).

Это, в свою очередь, предполагает развитие тех отраслей научного знания, которые на основе обобщения соответствующего передового опыта разрабатывают рекомендации для оптимальной практической реализации вышеназванного. К числу таких отраслей относится теория криминалистической кибернетики, а одной из основных проблем в ее рамках выступает развитие информационного обеспечения.

В настоящее время информационное обеспечение ЭКП находится на неудовлетворительном уровне. Это обусловлено следующими факторами:

- отсутствием современных разработок для решения комплексных задач экспертной деятельности;
- практически отсутствием разработок по ведению криминалистических учетов, коллекций на базе современной электронно-вычислительной техники;
- недостаточной разработанностью текстового варианта заключения эксперта, выполняемого с помощью программ ЭВМ;
- практически отсутствием связи между экспертно-криминалистическими подразделениями республик, краев, областей по обмену информацией;
- отсутствием компьютеров, а при наличии таковых, необеспеченностью их необходимыми программными продуктами.

Главной задачей по совершенствованию информационного обеспечения ЭКП является решение отдельных теоретических и практических задач по созданию автоматизированных информационных систем (АИС).

Информация, однажды введенная в систему, хранится и подвергается обработке средствами самой системы до тех пор, пока не утрачивает своих потребительских качеств, и предоставляется любому абоненту независимо от его территориальной принадлеж-

ности.

Для нормального функционирования АИС необходимо сочетание принципов централизованного и децентрализованного управления, а вертикальная и горизонтальная интеграция систем экспертно-криминалистической информации различного уровня будет способствовать эффективному функционированию системы за счет быстрого и надежного обмена данными и координации действий различных ее звеньев. Основными видами информационных систем, функционирующими в ЭКП, являются документальные и фактографические.

Уголовно-процессуальное законодательство относит заключение эксперта к источникам доказательств. Следовательно, оно должно быть убедительным, четким, чтобы лицо, назначившее экспертизу, могло всесторонне оценить правильность выводов. Практика показывает, что это не всегда соблюдается. Поэтому для исправления недостатков в ходе формирования текста экспертного заключения на кафедре основ экспертно-криминалистической деятельности ВНИ МВД России разработаны информационные программы по автоматизированному составлению экспертного заключения.

В дальнейшем необходимо перевести АИС на локальные системы с последующим соединением в информационные сети.

Изложенное позволяет предложить отдельные рекомендации, направленные на совершенствование информационного обеспечения ЭКП. Это:

1. Создание для специалиста информационной среды, в которой он сможет получать необходимую информацию для решения поставленной задачи.

2. Организация хранилища информации, действующего на базе ЭВМ, способного осуществлять анализ, классификацию и корректировку информации для потребителя.

3. Оперативное взаимодействие между службами правоохранительных органов при наличии локальных информационно-вычислительных сетей.

4. Повышение эффективности проверки информации по криминалистическим учетам и коллегиям с помощью ЭВМ.

5. Повышение качества и оперативности экспертных исследований за счет программы поддержки принятия решений специалистом.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

А. П. Климович, С. П. Климович

Уголовное законодательство, действовавшее до настоящего времени, вполне соответствовало условиям существующей системы экономических отношений, построенной на принципах административного планирования, действовавших в рамках единой общегосударственной собственности на средства производства. Политика государства, направленная на развитие рыночных реформ в Российской Федерации, становление многообразных форм собственности, развитие индивидуальной трудовой деятельности и предпринимательства, послужила развитием принципиально нового экономического законодательства.

Развитие экономических реформ, процессы разгосударствления и приватизации, формирование слоя собственников и предпринимателей в условиях несовершенного экономического законодательства, в свою очередь, создали благоприятную почву для развития криминальной деятельности в сфере экономики, тормозящей процессы рыночных реформ в России.

В обществе с рыночной экономикой государство призвано, с одной стороны, максимально ограничивать свое вмешательство в экономическую деятельность, а с другой стороны, призвано защищать частного предпринимателя и бороться с недобросовестной и криминальной экономической деятельностью. Вышедший в свет и вступивший в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации в целом отвечает вышеназванным требованиям. Это подтверждается появлением самой объемной в УК главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, содержащей описание 32 составов преступлений, большинство из которых для российского уголовного законодательства являются новыми.

Анализируя содержательную сторону вступившего в силу нового Уголовного кодекса, следует отметить неразработанность его отдельных вопросов для правоприменительной практики. Введено множество новых понятий, не имеющих определенного толкования и разъяснения по отдельным категориям дел.

Так, например, токование понятия "крупный ущерб гражданам, организациям или государству" практически отсутствует в новом УК и официальных комментариях, изданных за последнее

время. Причем данная формулировка является признаком объективной стороны состава преступления по следующим статьям: ч.2 ст.169 "Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности", ст.171 "Незаконное предпринимательство", ст.172 "Незаконная банковская деятельность", ст.173 "Лжепредпринимательство", ст.176 "Незаконное получение кредита", ст.180 "Незаконное использование товарного знака", ч.2 ст.183 "Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну", ст.185 "Злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии)". В ст.182 "Заведомо ложная реклама" введено понятие "значительного ущерба" (1).

Ст.15 ч.1 ГК РФ "Возмещение убытков" трактует понятие ущерба как совокупность "реального ущерба" и "упущенной выгоды" (иначе "неполученных доходов"). "При этом возможность требовать возмещения расходов, которые только должны быть понесены в будущем, составляет одну из новелл ГК" (2).

Отсюда не ясна позиция законодателей по отношению к следующим вопросам: во-первых, необходимо количественное установление сумм "крупного ущерба" и "значительного ущерба"; во-вторых, по понятию "ущерб" возникает проблема количественного разграничения сумм ущерба, причиненного гражданам, организациям, государству; в-третьих, ущерб государству должен включать не только сумму неполученных государством доходов в виде неуплаченных налогов, но и неполученную государством выгоду в связи с незаконной деятельностью, находящейся в исключительной компетенции государства.

Рассматривая проблемы практической реализации нового уголовного законодательства, следует отметить необходимость разработки и внедрения методик расследования по новым видам экономических преступлений. При этом, на наш взгляд, необходимо учитывать, что наиболее эффективным будет совместное участие в разработках специалистов - юристов и экономистов.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. М.: Издательская группа ИНФРА М - НОРМА, 1996. С.86-104.

2. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Редакция журнала "Хозяйство и право". "Спарк", 1995. С.72.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. М. Стригин

Классификация всегда занимала видное место в криминалистических исследованиях. Предлагаемые ниже классификации даны в порядке, который отражает очередность подхода при оценке информации о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: сначала следует определить правовой характер экономической деятельности, затем — ведомственный, а потом уже выяснить роль и участие должностных лиц государственных и муниципальных органов в этой деятельности.

Незаконное предпринимательство (и его разновидность — незаконную банковскую деятельность) можно назвать классическим преступлением в сфере предпринимательской деятельности, а все остальные преступления в этой сфере (например, незаконное получение кредита, заведомо ложная реклама, злоупотребление при выпуске ценных бумаг и другие) будут по сути дела частными проявлениями этого преступления. По правовому характеру деятельности незаконное предпринимательство можно подразделить на:

- 1) деятельность, не требующую специального разрешения (лицензии);
- 2) деятельность, требующую специального разрешения (лицензии);
- 3) деятельность, запрещенную уголовным законом.

Определенные звенья государственного и муниципального аппарата участвуют в правовом регулировании определенных экономических общественных отношений, часть из которых "защищена" уголовным законодательством. Связь этих отношений с такими звеньями государственного или муниципального аппарата приводит к тому, что:

- в этих звеньях концентрируется информация, необходимая для успешного раскрытия и расследования определенных преступлений;

- в тех же самых звеньях в большинстве случаев работают (служат лица, часто оказывающиеся причастными к совершению определенных преступлений);

- в тех же самых звеньях в большинстве случаев работают (слушат) лица, потенциально способные оказать конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность).

Учитывая вышеизложенное, преступления в сфере предпринимательской деятельности можно по ведомственному характеру регулирования предпринимательской деятельности подразделить на:

- 1) незаконное предпринимательство;
- 2) антимонопольные преступления;
- 3) преступления в кредитно-банковской деятельности;
- 4) преступления банкротства;
- 5) валютные преступления;
- 6) налоговые преступления;
- 7) таможенные преступления.

Важной характерной чертой преступлений в сфере предпринимательской деятельности является то, что данные преступления практически всегда совершаются при участии должностных лиц, иногда это может выразиться в форме осознанного или неосознанного создания условий для совершения преступлений.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности могут быть подразделены на следующие группы по форме "участия" в их совершении должностных лиц государственных органов или органов местного самоуправления:

- должностное лицо (лица) выступает в качестве организатора или исполнителя;
- должностное лицо (лица) выступает в качестве подстрекателя или пособника;
- должностное лицо (лица) формально не причастно к умышленному совершению данного конкретного преступления, но создало условия для его совершения. Например, путем принятия местного или федерального нормативного акта, который позволил облегчить возможность совершить преступление.

Важным условием эффективной борьбы с преступлениями в сфере предпринимательской деятельности должно быть точное определение роли в его совершении должностного лица (лиц) и, разумеется, адекватная реакция на их действия и бездействия.

Основные вопросы организации проверки показаний на месте

И. В. Чаднова

Результативность деятельности органов следствия по раскрытию и расследованию преступлений определяется высокоэффективным использованием сложившейся на данный момент системы следственных действий. Как показывает анализ специальной научной литературы и изучение следственной практики, существенную роль в практической деятельности правоохранительных органов занимает такое следственное действие, как проверка показаний на месте.

Данное следственное действие до настоящего времени не закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве, однако, несмотря на это обстоятельство, является общепризнанным в практической сфере деятельности правоохранительных органов. Оно придает сложившейся и закреплённой в УПК РФ системе следственных действий логически завершенный характер, поскольку проверка показаний на месте обладает всеми признаками самостоятельного следственного действия и, в частности, своеобразным комплексом задач, на характере которых мы и остановимся.

Основные и наиболее существенные задачи (выделяемые как в научной литературе, так и по результатам нашего исследования материалов уголовных дел и анкетирования следователей) следующие:

1. Установление маршрутов передвижения участников исследуемого события по месту происшествия (частота применения составляет 36%).
2. Устранение противоречий в показаниях соучастников (70%).
3. Уточнение, конкретизация на местности ранее данных показаний (57%).
4. Отыскание следов события преступления и вещественных доказательств (71%).
5. Установление осведомленности лица (или лиц) относительно места происшествия, отдельных объектов или маршрутов, описанных в его показаниях (14%).
6. Установление неизвестных следствию лиц, мест подготовки и сокрытия расследуемого преступления, обстоятельств, способствовавших совершению преступления (14%).
7. Сопоставление ранее данных показаний лица с особенностями места с целью их правильной оценки следователем.

Существенно высокая частота встречаемости указанных признаков позволяет, по нашему мнению, рассматривать их в качестве задач, решаемых в ходе проверки показаний на месте. Данные задачи могут ставиться и решаться как в полном объеме, так и в их различном сочетании.

Проведение проверки показаний на месте требует тщательной предварительной организационно-тактической подготовки, включающей в себя следующие блоки:

1. Подготовка следователя к проведению следственного действия

При подготовке к проведению проверки показаний на месте следователю необходимо изучить протокол осмотра места происшествия, приложения к нему, заключения экспертов, протоколы допросов и другие материалы дела. Особое внимание следует обратить на имеющуюся в деле информацию о личности проверяемого. В рамках этой задачи, во-первых, следователю необходимо тщательно изучить психологические характеристики лица, проверка показаний которого планируется следователем, и установить с ним психологический контакт. В дальнейшем отсутствие контакта с лицом, показания которого проверяются, либо существенно затруднит проведение проверки показаний на месте, либо сведет на нет все ее результаты. Во-вторых, следователь должен получить предварительное согласие лица на проведение проверки, так как согласие проверяемого – важнейшее условие, без которого проведение данного следственного действия невозможно.

Далее следователем проводится тщательный опрос лица, чьи показания в дальнейшем будут проверены на месте. При этом помимо вопросов, вытекающих из обстоятельств конкретного дела, выясняются точные координаты мест предстоящего показа и пути к ним, определяются этапные точки места проведения проверки и целесообразные места остановок. Одной из важнейших целей проводимого следователем опроса является выяснение психологических свойств личности проверяемого, так как такая информация в дальнейшем окажет существенную помощь следователю как при планировании, так и при проведении проверки показаний на месте.

Следователю необходимо также выделить и систематизировать сведения, относящиеся к месту проверки и связанному с ним событию, имеющиеся в показаниях, ранее полученных от лица (лиц), в отношении которого будет проводиться проверка показаний на месте, в показаниях иных лиц, оперативных данных, имеющихся по делу. При недостаточности такой информации в материалах дела следователю необходимо самому выехать на место планируемой проверки. Особенно актуально предварительное ознакомление следователя с местом проверки в том случае, если ранее это место не было известно следствию.

Следующая задача, стоящая перед следователем, - определение состава участников следственного действия. Определяется, каких специалистов и в каком количестве необходимо привлечь к выполнению данного следственного действия, кто из них и какие научно-технические средства будет использовать, необходима ли помощь педагога, психолога или переводчика и другие сопутствующие вопросы. Особое внимание на этой стадии организации необходимо уделить подбору понятых из числа посторонних незаинтересованных лиц, обладающих достаточным образованием и возможностью точно запомнить и, при необходимости, воспроизвести ход и результаты следственного действия.

2. **Тактико-техническая подготовка следственного действия**

В первую очередь следователю необходимо выбрать время его проведения, что является немаловажным фактором для получения наилучших результатов. Время проверки показаний на месте определяется следователем с учетом достаточности для проведения проверки имеющейся в деле информации, возможной продолжительности следственного действия, а также с учетом специфики места проверки показаний.

Во-вторых, следователь, исходя из имеющейся у него информации о событии, его временных и территориальных границах, составляет «сценарий» проведения следственного действия, включающий в себя:

- определение места, времени начала и окончания проверки;
- разграничение этапов его проведения;
- формулирование вопросов и установление их последовательности;
- установление точек и ориентиров для видеозаписи и фотосъемки;
- установление места начала и окончания видео- и аудиозаписи, составления протокола;
- определение состава участников следственного действия и правил их поведения в процессе проведения проверки показаний на месте;
- определение последовательности проверки показаний разных лиц на одном и том же месте.

При решении технических вопросов для обеспечения проведения следственного действия следователь должен уяснить, какие научно-технические средства понадобятся, и проверить их подготовку и исправность, а также обеспечение участников транспортом. При необходимости (если проверка показаний на месте проводится в отношении подозреваемого, обвиняемого) следователь должен обеспечить организацию охраны и конвоирования арестованного.

3. **Заключительный этап**

В качестве заключительного этапа организации проверки показаний на месте выступает инструктаж участников следственного действия, которым разъясняют его цель, называют дату, место и время сбора, длительность и условия его проведения: общий характер местности, где предполагается проведение проверки показаний на месте, разъясняют: права и обязанности каждого участника следственного действия, недопустимость нарушения установленного порядка движения, проявления своих эмоций, выполнения каких-либо действий, не предусмотренных данным инструктажем. ответственность за разглашение данных следствия.

Осуществление всех вышеперечисленных мероприятий по подготовке проведения проверки показаний на месте обеспечит получение в ходе ее проведения оптимального количества качественной информации, и в дальнейшем результаты проверки (как положительные, так и отрицательные) могут оказать большое влияние на процесс расследования.

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В.Ю.Троицкий

Наиболее сложной проблемой трасологической идентификации является оценка идентификационной значимости признаков, совокупность которых позволяет эксперту-криминалисту вынести определенное решение и оценку экспертом достоверности своего вывода. В настоящее время эксперт применяет методы, в основе которых лежат качественные признаки объектов экспертизы. Поэтому решение поставленной перед экспертом задачи во многом зависит от его опыта, личных качеств, т.е. носит субъективный характер. Следовательно, эксперт либо не может решить поставленную перед ним задачу, либо дает решение, по существу, на интуитивном уровне.

В сложившейся ситуации совершенно очевидно, что необходимо выработать некоторую количественную меру, позволяющую бы численно оценить пригодность следа для идентификации и достоверность вывода эксперта.

Согласно трасологической классификации, принятой в криминалистике, следы-отображения внешнего строения объектов подразделяются на объемные, поверхностные, локальные, периферические и динамические. Если же в основу классификации положить характер отображенных признаков в следах, то все следы-отображения можно подразделять на две группы (два класса). В первую группу мы относим объемные, поверхностные, локальные и периферические следы, в которых отображение признаков носит статический характер, во вторую – динамические.

В работах (В.Ю.Троицкий, О.Ю.Троицкий, 1980) были рассмотрены частные случаи оценки идентификационной значимости признаков обуви, отобразившихся в их следах. Как показали дальнейшие исследования, вероятностно-статистический метод оценки следов обуви аппроксимируется на статистические следы-отображения внешнего строения любых объектов. Вся генеральную совокупность признаков, отобразившихся в следах, можно подразделить на два подмножества:

- 1) включающие в себя так называемые точечные признаки, положение которых характеризуется конечным числом параметров (поэтому возможно прямое использование предлагаемого авторами метода);

2) включающее в себя распределенные признаки, характеризующиеся континуальным множеством параметров (прямое использование предлагаемого авторами математического аппарата невозможно).

Однако и в этих случаях можно оценить идентификационную значимость признаков, если аппроксимировать распределенные признаки конечной совокупностью точечных. Так, например, аппроксимация распределенных признаков четырьмя независимыми (точечными) приводит к вероятности ошибки порядка 7×10^{10}

Что касается следов второй группы (динамических), то, несмотря на усилия ученых-криминалистов, до сих пор не определены четкие количественные критерии комплекса признаков, достаточного для вывода о тождестве.

Процесс идентификация по динамическим следам в конечном счете сводится к максимальному совмещению трасс и промежутков между ними.

В данном случае, используя математический аппарат теории вероятностей, можно получить выражение для вероятности ложного отождествления (вероятности ошибки) P_k

$$P_k^k = \left[\Phi\left(\frac{\xi_1 + \epsilon - m_x}{S_x}\right) - \Phi\left(\frac{\xi_1 - \epsilon - m_x}{S_x}\right) \right] \times \left[\Phi\left(\frac{\eta_1 + \epsilon - m_y}{S_x}\right) - \Phi\left(\frac{\eta_1 - \epsilon - m_y}{S_x}\right) \right],$$

где $P_1^{(k)}$ - вероятность ошибки идентификации при совмещении двух трасс; Φ - табулированная функция (интеграл вероятностей);

n - число совпадающих в следе трасс;

P_n - вероятность ошибки идентификации при совмещении ширины трасс;

m_x - математическое ожидание x -ов (среднее значение ширины трасс);

m_y - математическое ожидание y -ов (среднее значение ширины промежутков между трассами);

S_x^2 - дисперсия ширины трасс;

S_y^2 - дисперсия ширины промежутков между трассами;

ξ_1 - ширина первой совпадающей трассы;

η - расстояние между центрами совместившихся первой и последующей трасс;

ϵ - погрешность измерения.

При совмещении трех, четырех и более трасс вероятности ошибок перемножаются, т.е. мы пользуемся соотношением

$$P_n = \prod_{k=1}^n P_1^{(k)}$$

Расчеты, проведенные по реальным следам с помощью указанных соотношений, показали, что если в динамическом следе отразились шесть хорошо различимых трасс, то след пригоден для идентификации, а вероятность ошибки при идентификации будет равна $3,2 \times 10^{10}$.

Из изложенного следует, что:

1. Вероятностно-статистический подход к исследованию следов-отображений внешнего строения объектов позволяет унифицировать существующие методы трасологической идентификации и свести их к двум:
«Вероятностно-статистический метод оценки пригодности для идентификации статических следов и оценки вероятностей ошибок при идентификации объектов, их оставивших»;
«Вероятностно-статистический метод оценки пригодности для идентификации динамических следов и оценка вероятностей ошибок при идентификации объектов, их оставивших».
2. Данные методы позволяют количественно оценить идентификационную значимость любой совокупности идентификационных признаков, отобразившихся как в статических, так и в динамических следах-отображениях внешнего строения объектов, определить минимальную совокупность признаков, необходимую для идентификации, оценить вероятность ошибки при идентификации.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ВОДИТЕЛЕЙ,
АВТОТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА И ПЕРЕВОЗИМЫЕ ГРУЗЫ**

В. К. Гавло, Б. В. Псарева

Изучение отечественного и зарубежного опыта борьбы с преступностью свидетельствует об увеличении преступлений, основной целью совершения которых является завладение автотранспортом. Как сопутствующей ей целью может быть и завладение чужим имуществом: перевозимые различные грузы, личные вещи и ценности водителя, пассажиров. Эти цели достигаются тщательно продуманными способами подготовки, совершения и сокрытия преступления в форме кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничества (ст. 159 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), неправомерного завладения автомобилем без цели хищения (ст. 166 УК РФ), бандитизма (ст. 209 УК РФ).

Чтобы облегчить совершение и сокрытие этих преступлений, преступники убивают водителей, пассажиров. При оказании сопротивления им могут быть причинены телесные повреждения.

С уголовно-правовой точки зрения эти деяния по своей природе разнородны и не случайно по классификационным признакам расположены в разных главах Особенной части УК РФ, а именно в гл. 16 (Преступления против жизни и здоровья), гл. 21 (Преступления против собственности). Вместе с тем следует отметить, что все эти преступления имеют нечто общее в закономерностях не только совершения, но и расследования их.

При расследовании преступлений, связанных с посягательствами на автотранспортные средства и их водителей, на первоначальном этапе далеко не всегда имеются исходные данные, указывающие на совершенное деяние, охватываемое тем или иным составом преступления (грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем, кража, автотранспортное происшествие и другие).

Обобщение материалов судебно-следственной практики показало многообразие исходных данных по делам данной категории. В одних случаях следствие располагает информацией об обнаружении на месте происшествия транспортного средства (легкового, грузового, исправного, неисправного, сожженного, имеющего следы автопроисшествия и т. д.) и погибшего по неизвестной причине водителя. В других случаях при обнаружении транспорта отсутствует его водитель. В третьих случаях на месте обнаружения

транспорта находится мертвый водитель, однако причина смерти неизвестна. Т. е. складываются определенные исходные следственные ситуации, которые и определяют методiku и особенности расследования дел данной категории. Их изучение составляет одну из основных задач в криминалистической методике расследования.

Следственная ситуация - это определенная обстановка, складывающаяся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу в соответствии с задачами уголовного судопроизводства, объективно отражающая внутреннее состояние, ход и условия расследования на основе совокупности фактических и иных данных.

По делам данной категории целесообразно выделять:

во-первых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления в целом (общие ситуации расследования). Например, таковы группы ситуаций, связанные с полными или неполными данными о событии преступления (неполные сведения о месте, времени, способе и т. д.);

во-вторых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления относительно отдельных сторон его состава. Таковы следственные ситуации, характеризующие, например, личность преступника, мотив преступления (отсутствие данных о личности и мотиве);

в-третьих, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования отдельных эпизодов. Например, имеются неполные данные об эпизодах преступления (месте, времени, способе, соучастниках эпизода и т. д.);

в-четвертых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования при производстве следственных действий. Таковы группы ситуаций, характеризующиеся дефицитом информации или конфликтностью при производстве обысков, допросов свидетелей, обвиняемых и др. (57).

Преимущество этой системы классификации следственных ситуаций как базовой, полагаем, заключается в том, что она нацеливает следователя вначале на их выделение, а затем и комплексное использование в целях решения различных задач расследования с максимальным использованием аппарата следственных версий. (См. подробно: Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступления. Томск: ТГУ, 1985. С. 236-273).

ЗАКОН "ОБ ОРУЖИИ" И ПРОБЛЕМА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В.П.Тарасов, А.А.Максименков, А.С.Гобеев

Закон РФ "Об оружии" позволяет оценить состояние проблемы холодного оружия в криминалистике, выявить имеющиеся ошибки в теории и практике исследования и наметить пути их устранения.

Отправной точкой анализа является то обстоятельство, что законодатель, оставив холодное оружие в поле зрения правоохранительных органов, несколько расширил видовой состав его образцов по сравнению с предыдущими законодательными актами. Расширение состава нашло свое воплощение в законе посредством формулирования определений двух классов оружия: "холодное оружие" и "метательное оружие". Объяснение этого новшества следует искать в истории вопроса, которая свидетельствует, что действие законодательства распространяется только на ту часть объема холодного оружия, которая получает распространение в преступной среде и за действие с которым должна наступать уголовная ответственность. В связи с этим объективная необходимость вынуждает законодателя время от времени корректировать состав образцов, находящихся в поле зрения правоохранительных органов. И этот субъективно существовавший для конкретного периода времени усеченный объем привел законодателя к условному выделению появившихся в преступной среде новых объектов в группу "метательное оружие". Но и этот суммарный объем меньше объема оружия, включаемого в объеме понятия "холодное оружие" в криминалистике. На наш взгляд, определения в Законе "холодное оружие" и "метательное оружие" предназначены для правоохранительных органов и их разделение относительно условно.

К сожалению, советские криминалисты не обращали ранее внимания на заложенную особенность трактовки выражения "холодное оружие". Это сказалось на том, что при разработке теории холодного оружия допускалась существенная ошибка. Она состояла в том, что установленный законодателем видовой состав холодного оружия, за действия с которым наступала уголовная ответственность, советские криминалисты отождествляли с его неполным объемом.

В результате вся теория строилась вокруг усеченно взятого состава образцов холодного оружия, не отражая все совокупности

его видов. Результатом такой ошибочной деятельности являлось, в частности, то, что ни одно из многочисленных определений, предложенных теоретиками, не нашло единодушного признания среди криминалистов.

Не лишняя изъяснов теория приводила экспертную практику к формулированию противоположных выводов при повторных исследованиях одних и тех же объектов.

И в настоящее время отдельные криминалисты формально подходят к содержанию закона, пытаются фактически создать новый вариант теории холодного оружия для суда и следствия. Например, в отношении группы образцов, объединенных названием "метательное оружие", появилось мнение, что оно является самостоятельным видом оружия и не может рассматриваться как подвид холодного.

Чтобы объективно разобраться в этом вопросе и не впасть в очередную серию ошибок, криминалистам нужно создать классификационную структуру, в основе которой была бы, как это предлагает формальная логика, "собственно классификация". Последняя строится на основе многоуровневого последовательного деления все уменьшающихся в объеме классов — членов деления. Именно ее недостает практике исследования, поскольку только она позволяет объективно устанавливать вид образца, к которому принадлежит объект исследования. Деление всех членов в ней должно проводиться на основе наиболее существенного признака-конструкции.

Изложенное позволяет утверждать, что приводимые законодателем определения двух групп образцов "холодное оружие" и "метательное оружие" предназначены гражданам и работникам правоохранительной системы нашей страны. Криминалистическая теория холодного оружия должна строиться на вполне самостоятельной основе, с использованием правил формальной логики, рассматривая содержание законодательных актов не как руководство к действию, а как информацию к размышлению. Предлагается при разработке криминалистического понятия холодного оружия предложить нами ранее его определение: "К холодному оружию относятся устройства, по конструкции предназначенные для поражения цели за счет энергии мускульного усилия". Дальнейшее дробление этого понятия может привести к появлению еще нескольких самостоятельных классов оружия, выделяемых из понятия "холодного оружия".

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОРУЖИЕВЕДЕНИЯ КАК ОТРАСЛИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

В.В.Эмрянов, Н.Н.Лученок, В.А.Шунков

За последние годы в России сложилась устойчивая тенденция к увеличению количества преступлений с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, не уменьшается и рост преступлений с использованием холодного оружия.

Такая ситуация в стране заставляет криминалистов обращать внимание как на разработку приемов обнаружения, так и методов исследования этого оружия. В этой связи есть необходимость обратиться к развитию отрасли криминалистической техники, занимающейся исследованием оружия, что позволит определить ее этапы и проблемы.

Так, в 1937 году вышла в свет книга В.Ф.Червакова "Судебная баллистика", ставшая заявкой на выделение судебной баллистики в самостоятельную отрасль криминалистической техники. Параллельно с этим возникли вопросы исследования холодного оружия и его места в системе криминалистики. Ф.П.Сова в 1979 году предложил новую отрасль - криминалистическое исследование оружия и следов его применения, в которую включил и холодное оружие.

Применение взрывных устройств при совершении преступлений и их криминалистическое исследование позволили А.Р.Шляхову в 1979 году выдвинуть гипотезу о том, что в структуре судебно-баллистической экспертизы началось формирование ее нового вида - "Исследование взрывчатых веществ и специальных взрывных устройств". В 1989 году Е.Н.Тихоновым поставлен вопрос о выделении в системе криминалистической техники как раздела науки криминалистики новой отрасли - криминалистической взрывотехники.

В 1976 и 1980 г.г. А.С.Подшибякин предложил включить в раздел холодного оружия и метательное неогнестрельное оружие (лук, арбалет, дротик).

Сегодня в практической деятельности правоохранительных органов встречаются и другие объекты: бутылки с зажигательной смесью, переделанное газовое и сигнальное оружие, гранатометы, реактивные установки. Появились новые виды оружия, основанные на использовании различных средств поражения, - это средства создания электромагнитного импульса, лазеры, генераторы инфразвука, химические составы и биологические рецептуры.

В.М.Плескачевским (1993 г.) отмечена необходимость разработки и совершенствования методики исследования как традиционных, так и новых видов оружия. Им предложено наименование новой отрасли криминалистической техники – "Криминалистическое оружиеведение", которая изучает принципы конструирования и закономерности действия материальных средств, функционально предназначенных для поражения, вплоть до уничтожения человека, животного или преграды, закономерности образования их следов, а также разрабатывает средства и приемы собирания и исследования этих следов в качестве вещественных доказательств при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Кроме того, В.М.Плескачевский предложил структуру криминалистического оружиеведения: общая часть (понятие и классификация оружия), судебная баллистика, криминалистическое исследование традиционного холодного оружия, криминалистическое исследование метательного холодного оружия, криминалистическое взрывоведение, криминалистическое исследование зажигательного оружия, методические основы исследования оружия с иными поражающими факторами [1].

В целом предложенное понятие и структуру отрасли можно принять за основу. Однако, на наш взгляд, требуются некоторые уточнения и дополнения.

Криминалистическое оружиеведение можно определить следующим образом: это отрасль криминалистической техники, которая изучает оружие, следы его применения и разрабатывает технические приемы и средства собирания и исследования названных объектов в целях раскрытия и предупреждения преступлений.

Структура криминалистического оружиеведения, на наш взгляд, была бы более четкой и краткой в следующей виде: общая часть (основы теории и классификации оружия) и особенная, включающая исследование метательного оружия (огнестрельного, пневматического, механического и др.), исследование взрывных устройств, исследование холодного оружия, методические основы исследования оружия с иными поражающими факторами.

1. В.М. Плескачевский. Некоторые проблемы развития системы криминалистической техники как раздела науки криминалистики // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М.: ВИ МВД РФ, 1994. С.28-32.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КЛИНКОВОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ С ДЕФЕКТОМ

В. А. Ярмак, А. С. Гобеев

В экспертной практике нередко приходится сталкиваться с исследованием холодного оружия, которое имеет дефекты, обусловленные воздействием различных факторов. Дефекты могут возникнуть как в процессе эксплуатации, так и хранения оружия и выражаться в виде неисправности его деталей и частей, а также конструкции в целом.

Прежде чем рассматривать криминалистическую характеристику оружия с дефектом, необходимо определиться с тем, что понимается под дефектом вообще. Для изделий заводского изготовления этот вопрос решается просто и трактуется как отклонения от технических норм, заложенных в его конструкцию, т.е. требований к изделиям со стороны изготовителей.

Для предметов самодельного производства этот вопрос четко не определен. И объясняется это отсутствием каких-либо технических норм, условий или требований к такого рода изделиям. Учитывая, что, как правило, самодельное оружие изготавливается из случайных материалов с неизвестными физическими свойствами без использования технологического оборудования, то требования, предъявляемые к оружию со стороны изготовителя, могут отличаться от заводских как в сторону занижения, так и завышения. Это относится как к прочностным свойствам, так и их эстетическим качествам, которые могут отличаться как в лучшую, так и в худшую сторону. Учитывая вышесказанное, эксперт-криминалист подходит к исследованию такого оружия с точки зрения удовлетворения им критериям холодного оружия на нижней границе. Что же в таком случае понимать под дефектом самодельного оружия? С криминалистической точки зрения в данном случае под дефектом следует понимать отсутствие хотя бы одного конструктивного элемента, которое приводит к снижению его боевых свойств или их полной утрате.

Таким образом, оружие с дефектом либо может использоваться по целевому назначению, либо не может. При полной утрате боевых свойств один из критериев холодного оружия может быть не соблюден, однако отсутствие удобства и безопасности применения предмета не является основанием для непризнания его холодным оружием.

Следует отметить, что аналогичный подход к квалификации дефектов распространяется на оружие заводского изготовления, так

как остальные дефекты не приводят к изменениям криминалистической характеристики предмета.

Когда речь заходит о дефектах, то подразумеваются только видимые дефекты, связанные с целостностью отдельных деталей оружия.

Прочностные свойства предмета, удобство и безопасность его использования проверяются экспериментально и их несоответствие необходимым требованиям не может быть определено визуально.

К видимым дефектам относятся:

- поломка клинка;
- поломка рукоятки;
- поломка фиксирующего устройства;
- отсутствие лезвия;
- общая коррозия предмета.

Во всех возможных сочетаниях способов изготовления клинков и рукояток, а также их состояниях (с дефектом или без него) следует помнить, что определяющим по всем случаям является клинок, и оценка предмета должна опираться прежде всего на способ его изготовления и наличие дефектов. Анализ возможных экспертных ситуаций позволил разработать формализованную схему решения указанных задач.

Другим часто встречающимся случаем является исследование предметов, похожих на колющее оружие, типа складных охотничьих ножей, но имеющих дефект фиксирующего устройства. Оценка подобных предметов должна строиться на тех же подходах, что и при исследовании нескладных ножей, имеющих дефект клинка. Это объясняется тем, что в том и в другом случае провести эксперимент невозможно, а условия, при которых сломалось фиксирующее устройство, установить нельзя, так же, как и предшествующие этому причины.

В заключение следует отметить, что правильная оценка колющего оружия с дефектом позволяет не только давать верные и обоснованные выводы по решаемым вопросам, но и избежать упрощенного подхода к данной задаче, способствуя тем самым правильной квалификации деяний подозреваемого лица.

МЕТОДОЛОГИЯ КОМПЛЕКСНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В.Ф.Зайцев, Р.И.Могутин, Г.Н.Степанов

Значительное место в установлении фактических данных, связанных с совершенным преступлением, отводится комплексным экспертным исследованиям. Комплексная экспертиза (КЭ) отражает прежде всего интеграцию знаний, которыми владеет специалисты различных областей знаний. Такая интеграция позволяет решить наиболее сложные задачи. В связи с этим проблемными аспектами комплексной экспертизы с точки зрения теории и практики криминалистики являются: определение уровней сложности решаемых задач; классификация объектов; подбор специалистов, участвующих в ее производстве; методы проведения экспертного исследования; формулирование выводов.

1. Задачи, решение которых производится комплексной экспертизой, по значимости и степени сложности можно классифицировать следующим образом:

а) установление механизма события расследуемого преступления;

б) установление элемента механизма события расследуемого преступления;

в) определение частного факта (объекта, лица и т.п.) как составной части элемента механизма события и механизма преступления в целом.

2. Комплексная экспертиза подразумевает привлечение к ее производству экспертов различных специальностей. То есть изъятое с места происшествия вещественное доказательство, включающее несколько объектов исследования, изучается специалистами различных наук или отраслей одной науки. Наряду с этим комплексная экспертиза может выполняться одним экспертом – лицом, обладающим познаниями в нескольких науках или отраслях одной науки.

3. В соответствии с решаемыми комплексной экспертной задачами необходимо определять объекты в рамках представленных на исследование материальных предметов (объектов КЭ), исследование которых отнесено к компетенции экспертов определенного

направления.

Объектами комплексной экспертизы могут быть:

а) одно вещественное доказательство, но разные объекты, изучаемые экспертами разной специализации;

б) различные объекты и учитываемые выводы, сформулированные другими экспертами;

в) названные объекты и материалы уголовного дела в части, относящейся к предмету экспертизы, прежде всего к тем его элементам, которые беспристрастно фиксируют объективную информацию. К таковым относятся: обнаруженные и описанные в протоколе осмотра места происшествия следы преступления, их фотоснимки, видеофильмы, слепки, предметы со следами, вещи и т.п., приобщенные к материалам дела.

4. Комплексная экспертиза предполагает использование широкого круга методов, приемов и научно-технических средств, используемых различными науками, их отраслями, соответственно проводниками которых являются ее специалисты. Организующая роль при этом отводится, как правило, эксперту-криминалисту традиционному, обладающему специальностью, находящейся на стыке юридических и естественных наук.

5. При выполнении комплексной экспертизы вывод эксперта-криминалиста формулируется "на основе проведенных исследований" (ст. 80 УПК РФ). Из чего следует понимать, что он может формулироваться: на результатах собственного изучения объекта; на результатах лично проведенных исследований и учете результатов, полученных другими специалистами.

Таким образом, комплексная экспертиза есть не что иное, как комплекс экспертиз, имеющих один объект исследования, выполненных экспертами разных специальностей. Комплексная экспертиза именуется таковой и в том случае, когда имеет своей целью изучение одним экспертом ряда объектов, в том числе результатов исследований (выводов), полученных другими экспертами.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ, ВЕЩЕСТВ И ИЗДЕЛИЙ

А. Л. Литинский, В. А. Ручкин, В. И. Шапочкин

В последние годы отмечается интенсивное развитие новых направлений в исследовании вещественных доказательств в следственной и судебной практике на стыке наук криминалистики, химии, физики, материаловедения, данных промышленного производства. Это экспертизм лакокрасочных материалов и покрытий; волокнистых материалов и изделий из них, металлов, сплавов и изделий из них; стекла, строительных материалов, нефтепродуктов и горючесмазочных материалов, наркотических и сильнодействующих веществ и др.

При судебно-экспертном исследовании материалов, веществ и изделий применяется комплекс различных химических, физических и физико-химических, физико-механических и материаловедческих методик, основу которых составляют методы конкретных отраслей фундаментальных наук (преимущественно аналитические методы, используемые в качестве средств экспертного познания). Намечалась явная тенденция расширения этого комплекса за счет вовлечения в сферу экспертного исследования все новых и новых методов и методик, требующих их теоретического осмысления и апробации.

Поэтому в настоящее время в судебно-экспертном исследовании материалов, веществ и изделий обозначился ряд актуальных вопросов, из которых, на наш взгляд, первостепенное значение по степени их значимости и очередности решения имеют, во-первых, вопросы упорядочения, систематизации, научной классификации всего многообразия методов и методик названного исследования и, во-вторых, максимальная координация различными экспертными и научными учреждениями своих исследований в этой области.

Классификация методов (методик), на наш взгляд, должна учитывать, наряду со специальными отраслевыми задачами (химические, физические и т. п.), объекты и задачи экспертизы. На основании анализа имеющихся в литературе классификаций экспертных методик, а также их содержания и функционального назначения, т. е. использования для решения экспертных задач конкретного рода, вида, целесообразно выделить, по крайней мере, три уровня методики в об-

ласти экспертного исследования материалов, веществ и изделий - частную, типовую и общую.

Частная методика основывается на применении варианта метода для решения частной, чаще всего технического плана, задачи, составляющей этап решения классификационной, идентификационной или диагностической задачи.

Отличительные черты типовых экспертных методик исследования определенного класса объектов: универсальность - возможность исследования широкого круга объектов одного или нескольких классов в целях решения экспертной задачи в отношении объектов определенного рода; явно выраженный комплексный характер.

Разработка общих методик КЭМВИ развивается в направлении классификации объектов, их свойств и признаков.

Координация научных исследований в области судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий диктуется прежде всего сложностью и многоплановостью решаемых ею задач. Она значительно расширяет возможности решения стоящих перед ней актуальных вопросов, открывает новые перспективы их изучения, вырабатывает единый подход к исследованию сложных проблем, способствует унификации методик исследования.

В настоящее время одной из актуальнейших задач, требующей коллективного решения, является подготовка высококвалифицированных специалистов в области КЭМВИ. На сегодня это сложная и практически не решенная задача.

Один из первых шагов в этом направлении - организация в 1995 году подготовки экспертов в области КЭМВИ на базе кафедры прикладной физики Волгоградского государственного университета (введена специализация студентов по физическому, химическому и физико-химическому исследованию материалов, веществ и изделий). Авторы готовы к конструктивному диалогу со всеми учеными, практиками, кому небезразлична проблема подготовки экспертов названного профиля. Думается, что только такими коллективными усилиями возможна выработка наиболее оптимального варианта ее решения.

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

М. П. Кошманов, П. М. Кошманов, А. И. Бронников

Действующая классификация признаков почерка получила свое признание и широкое внедрение в экспертную практику в начале 60-х годов. Современная классификация признаков почерка представляет собой структуру, в которой признаки дифференцированы по степени общности, соподчиненности на общие признаки, характеризующие систему движений пишущего в целом, и частные, представляющие собой свойства письменно-двигательного навыка, отражающиеся в особенностях выполнения или соединения письменных знаков и их элементов. Анализ экспертной практики применения классификации признаков почерка показал, что в целом освоение и использование системы осуществляется успешно и делает процесс исследования более полным и объективным.

Наряду с отмеченными достоинствами системы признаков почерка нами выявлены вопросы проблемного характера, являющиеся проявлением ее "слабых" сторон. Решение этих вопросов способствовало бы дальнейшей объективизации выводов эксперта-почерковеда.

Если рассматривать систему общих признаков почерка, то наиболее однозначно оцениваемой экспертами является группа, характеризующая пространственную ориентацию движений. Вместе с тем нам видится, что не все особенности размещения текста вошли в состав этой группы. Так, например, такая особенность, как "размер красной строки", являющаяся способом выражения новой мысли, представлена только вышеуказанным признаком. В то же время в практике письма очень часто используются другие способы выделения новой мысли: увеличение интервала между абзацами; смещение абзацев в горизонтальных плоскостях; преждевременное окончание последнего предложения в предыдущем абзаце и т. п.

Определенную сложность испытывают эксперты в выявлении и оценке признака этой группы "форма поля". Разработчики системы признаков почерка предусмотрели две разновидности ее проявления: прямоугольную и трапециевидную. Однако зачастую форму поля, т. е. геометрическую фигуру, заключенную между вертикальными срезами листа бумаги и линией начала или окончания строк, вообще нельзя отнести ни к одной из названных в силу их неопределенности.

Наиболее сложной группой в выявлении, оценке, познании являются общие признаки, характеризующие степень и характер

сформированности письменно-двигательного навыка. Определяя степень выработанности почерка, эксперт анализирует темп и координацию движений. Традиционные признаки, посредством которых определяется темп, не всегда позволяют эксперту правильно определить его. Практике известны случаи, когда пишущий, используя отрывистый вид соединения движений, выполняет рукопись в очень быстром темпе. Не менее высока роль субъективных факторов и в определении координации движений. В итоге определение степени выработанности системы движений, особенно в почерках, в которых его показатели ярко не выражены, - задача повышенной сложности. Даже введение промежуточных уровней показателей (выше, ниже высокой и средней степени выработанности) не решило этой проблемы. Выходом из этой ситуации нам представляется разработка новых подходов к определению темпа и координации движений. Исходной базой для такой работы должны послужить современные достижения естественных наук, компьютерной техники, разработка инструментальных методов.

Общие признаки почерка, характеризующие структуру движений по их траектории, также требуют создания более четких критериев для их определения. В большей степени это касается такого признака, как "преобладающая форма движения почерка". Как показывает практика, зачастую трудно отделить петлевую форму от овальной, овальную-отэллипсоидной и т. д. По-видимому, для решения этой проблемы требуется создание шаблонов-трафаретов с угловыми характеристиками, позволяющими дифференцировать криволинейные по форме движения по степени их кривизны. В настоящее время в связи с повсеместным использованием в качестве пишущих приборов шариковых ручек, фломастеров, утратил свое значение такой весьма важный признак этой группы, как сила и характер нажима. Возрождение значимости этого признака возможно, по нашему мнению, только путем создания чувствительных инструментальных методов, позволяющих фиксировать усилия пишущего по отразившимся в исследуемой рукописи письменным знакам.

Обозначенные нами проблемы затрагивают содержание только общих признаков. Не меньший перечень вопросов проблемного характера возникает в процессе применения и частных признаков почерка. Решение этих вопросов должно служить дальнейшей объективизации выводов экспертов-почерковедов.

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ И ТЕХНИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

В. Н. Данилов, Ф. Р. Рафиков

В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий и расследования уголовных дел, когда документы является средствами совершения преступлений или сокрытия каких-либо преступных действий, возникает необходимость установления личности преступника по почерку, в том числе при исследовании цифровых записей, подписей, а также в ходе выявления первоначального содержания угасших, подчищенных, вытравленных, смытых текстов в документах и т. д.

По действующим нормативным актам виды, форму, тактику и выработку научно обоснованных мер в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий определяют работники уголовного розыска и ОБЭП. Естественно, что эти вопросы решаются ими на основе собственных криминалистических познаний и личного опыта.

Обобщенные отчетные данные ЭКЦ и данные анкетирования работы экспертно-криминалистических подразделений показали следующее.

Количество исследованных документов по заданию оперативных работников к числу зарегистрированных преступлений составляет 13-15%.

Таким образом, анализ применения специальных познаний в области почерковедения и технического исследования документов в оперативно-розыскных мероприятиях, в которых непосредственно участвуют эксперты-криминалисты, свидетельствует о том, что взаимодействие между экспертами и оперативными работниками организовано недостаточно.

Нам представляется, что в целях повышения эффективности использования специальных познаний экспертов в области почерковедения и технико-криминалистических исследований документов необходимо, чтобы участие экспертов в разработке и осуществлении комплексных мероприятий по предупреждению и раскрытию преступлений было не эпизодическим, а стало нормой повседневной работы.

Для этого целесообразно разрешить наиболее опытным экспертам анализировать необходимую часть материалов по вновь заводимым, неоправданно затянувшимся и прекращенным оперативным разработкам.

Уместно было бы заинтересованным службам разработать нормативный документ, в котором определить:

- а) круг оперативно-розыскных действий, при которых должны привлекаться эксперты в качестве специалистов;
- б) формы их непосредственного участия в консультировании оперативных работников и негласных сотрудников;
- в) порядок и нормы допуска к негласной работе.

На основании этого общего нормативного документа разработать конкретные методические рекомендации по линиям работы, в том чис-

ле и наставления по работе криминалистических подразделений.

В УВД Волгоградской области ранее практиковалось изучение первичных материалов оперативных разработок, перед регистрацией в информационном центре обязательно изучались зональными оперативными работниками по своим линиям работы совместно с экспертами ЭКУ УВД. При этом эксперты имели возможность знакомиться с материалами неоправданно затянувшихся и прекращенных разработок.

В каждой разработке, в даче рекомендаций участвовал наиболее подготовленный эксперт, знакомый с основами оперативно-розыскной деятельности. Исходя из материалов дела в письменном виде составлялись рекомендации по применению оперативно-технических средств и познаний в области криминалистики. При этом определялись, когда, где и какие средства и аппаратуру может применить оперативный работник, а когда необходимо участие специалиста.

Как следствие качество документирования преступной деятельности и сроки реализации улучшились.

Безусловно, участие сотрудников криминалистических подразделений в качестве специалистов в оперативно-розыскной работе - сложная и ответственная задача.

В этой связи имеет большое значение специализация на местах. По нашему мнению, она должна находить отражение в закреплении за определенными экспертами функций участия в оперативно-розыскных мероприятиях.

Необходимо централизованно разработать единые программы по обучению вновь принятых сотрудников, не имеющих знаний в области криминалистики по основам оперативной работы, и отдельно для оперативных уполномоченных с определенным практическим стажем.

В программах, кроме техники владения криминалистическими средствами, значительное место должно быть уделено тактическим приемам их использования. Обязательно предусмотреть темы по изучению способов распознавания поддельных денежных знаков, документов, составлению розыскных таблиц и тактику их использования в установлении источника происхождения.

Для проведения практических занятий по названным программам необходимо разработать методические рекомендации.

Изложенные наблюдения и выводы по ряду объективных причин не носят категорического характера. Между тем представляется, что решение этих и других вопросов повысит эффективность раскрытия и предупреждения преступлений, обеспечит надежную информацию и обмен опытом деятельности экспертных учреждений и оперативных работников в рассматриваемом плане.

**О ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МОТИВАЦИИ
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Д. А. Мезинов

В компетенции судебно-психологической экспертизы включаются основные вопросы, возникающие в уголовном процессе, при решении которых данная экспертиза в состоянии оказать практическую помощь органам правосудия. В отношении того, какие именно вопросы могут быть отнесены к данной компетенции, в специальной литературе высказываются противоречивые мнения и суждения, ведутся споры.

Особого рассмотрения требуют споры о пределах компетенции судебно-психологической экспертизы при исследовании мотивации преступного поведения. Основные разногласия касаются здесь возможности установления экспертом-психологом мотивов конкретного преступления. Рассмотрим основные точки зрения по этому вопросу и обозначим наше мнение.

М. М. Коченов считает, что эксперт-психолог "устанавливает психологические мотивы конкретного поступка, анализирует особенности мотивационной сферы испытуемого", но не имеет права устанавливать "юридические мотивы преступления, такие, например, как хулиганские побуждения, низменные побуждения и т.п."

Д. П. Котов справедливо считает данное мнение спорным, отмечая при этом, что спорно само разделение мотивов преступления на психологические и юридические, правильнее говорить, продолжает он, - о юридической оценке мотива конкретного преступления, например, желание поиздеваться над беззащитным, проявив в этом свое гипертрофированное "я", в качестве мотива преступления будет с юридической точки зрения оцениваться как "хулиганское побуждение".

Однако, с главным суждением Д. П. Котова мы не можем согласиться. Он утверждает следующее: "Предметом судебно-психологического исследования должны являться только специфические особенности потребностно-мотивационной сферы и процесса мотивации подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, но не сами мотивы определенных поступков". Подобно многим другим авторам, он считает установление мотивов конкретного преступления так же, как и установление целей преступления, виновного отношения лица к совершенному, неправомерным вторжением эксперта-психолога в область, составляющую прерогативу органов следствия и суда.

На наш взгляд, нет смысла "зашифровывать" фактическое установление мотивов преступления в процессе экспертного исследования установлением "психологических мотивов конкретного поступка", как это делает М.М.Коченов. Не исключено, что его аргументация - это компромисс с большинством авторов, мнение которых отражало недоверчивое отношение к возможностям судебно-психологической экспертизы в советском уголовном процессе, а последнее, в свою очередь, являлось следствием все еще сохранявшегося в начале 80-х невысокого авторитета советской психологии среди других наук, вызванного во многом позицией официальной идеологии того времени (нет возможности подробно изложить последнее в рамках данной статьи).

Мы соглашались с третьей точкой зрения, которой придерживаются, в частности, В.Т.Нор и М.В.Костицкий: судебно-психологическая экспертиза может устанавливать мотивы преступлений. А в некоторых случаях не только может, но и, как мы попытались показать ниже, в интересах достижения объективной истины должна это делать. На наш взгляд, не будет ошибкой использование экспертом-психологом в своем заключении формулировок, отраженных в законе, т.е. "корыстные", "хулиганские" побуждения и т.д.

Итак, наши аргументы следующие. Действительно, ст.68 УПК РФ относит мотивы преступлений к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Это положение закона является главным аргументом, защищающим позицию тех авторов, которые считают установление мотивов преступления исключительной прерогативой следствия и суда. Но является ли содержание ст.68 УПК РФ запретом на установление мотивов преступления в процессе экспертно-психологического исследования? Ведь эксперт вообще никогда не решает вопросов окончательно, но высказывает мнение с точки зрения представляемой им области специальных познаний и в пределах своей научной компетенции. Заключение эксперта не имеет для следователя и суда обязательного характера и никаких преимуществ перед другими доказательствами, следователь и суд должны оценить его "по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности" (ст.71 УПК РФ), поэтому всегда вправе его отвергнуть. Право окончательного установления того или иного обстоятельства преступления (в том числе его мотивов) всегда будет принадлежать суду.

Вспомним теперь, что одним из признаков любой судебной экспертизы является существенность для разрешения уголовного дела обстоятельства, устанавливаемого посредством такой экспертизы.

Может ли быть это обстоятельство, подобно мотиву, включенным в предмет доказывания по уголовному делу, предусмотренный ст. 68 УПК РФ? Практика назначения и производства различных видов экспертиз показывает, что может. Эксперт-баллист устанавливает, например, направление, дистанцию и место выстрела - ответами на эти вопросы по существу устанавливается событие преступления, а точнее, составляющие его место и способ совершения преступления. "Событие", "место", "способ" - данные обстоятельства, подобно мотивам преступления, указаны в ст. 68 УПК РФ. Аналогично эксперт-трасолог устанавливает способ взлома. Примеры можно продолжить. Даже если устанавливаемое экспертизой обстоятельство не охватывается объемом таких формулировок ст. 68 УПК РФ, как "время", "место" или "способ" совершения преступления и т.д., оно вполне подходит под "другие обстоятельства", подлежащие доказыванию по данной статье.

Итак, если практика назначения и производства различных видов экспертиз смело идет по пути установления ими обстоятельств (повторим, предварительного установления), указанных в ст. 68 УПК РФ, то почему же эксперт-психолог не может изложить в заключении свое мнение относительно мотивов преступления? Право окончательных выводов о мотивах преступления всегда остается за следствием и судом.

Таким образом, правовых запретов на установление мотивов преступления в процессе экспертно-психологического исследования, на наш взгляд, нет. Теперь о преимуществах экспертного исследования мотивов преступления по сравнению с исследованием их непосредственно следователем или судом.

Мотив - психологический компонент, такое явление психики, которое представляет значительные трудности при его исследовании и установлении без применения специальных психологических познаний. В некоторых случаях, например, при совершении так называемых "безмотивных преступлений" или когда мотивы не осознаются, помощь эксперта-психолога просто необходима. Эксперт-психолог обладает большими и более научно обоснованными возможностями для установления мотивов преступления, чем любой следователь или судья.

В преимуществах судебно-психологической экспертизы можно усмотреть угрозу предопределения экспертами-психологами судебной практики по уголовным делам, т.е. того, что следователь и суд будут автоматически, не проверяя, выносить выводы эксперта в свое решение по делу в части установления мотивов преступления. В свое время подобные опасения высказывались в отношении экспертов-психиатров, которые своими выводами о вменяемости или невменяемости

фактически определяли будущее решение суда по этому вопросу. Как бы там ни было, путь решения вопроса о вменяемости-невменяемости в первую очередь именно экспертами-психиатрами, а не следователем или судом оказался более предпочтительным, и практика пошла по нему. Подобное положение существует и по другим видам экспертиз: никому не придет в голову требовать исключения из компетенции, например, судебно-медицинской экспертизы вопроса в причинах смерти и передачи его следователю и суду только потому, что выводы эксперта здесь практически всегда имеют следствием аналогичные выводы следователя и суда о причинах смерти.

Психология - тоже наука, познание психических явлений требует не меньшей специализации, и методы судебно-психологической экспертизы не менее научно обоснованы и объективны, чем методы других экспертиз. Да, выводы эксперта-психолога о мотивах преступления на практике могут предопределять выводы следователя и суда по этому вопросу. Однако, во-первых, такое положение должно быть изжито повышением критичности и требовательности следователей и судей к заключениям экспертов-психологов, что связано с необходимостью подъема уровня психологического образования у юристов-практиков. Во-вторых, даже если такое положение возобладает, оно более предпочтительно, чем существующее сейчас, когда мотив, - сугубо психологический компонент и важнейший критерий общественной опасности лица - устанавливается следователем и судом, основываясь на житейском и личном профессиональном опыте, т.е. субъективно, без использования достижений научной психологии. Выводы судебно-психологической экспертизы о мотивах преступления позволят следователю и суду дать более объективную оценку побудительным факторам совершения преступления, а значит, и избежать ошибок при квалификации, назначении наказания и решении других важных задач правосудия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОСТОЯНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА

А. Н. Хоменко. Е. А. Хоменко

При исследовании личности выделяются познавательные, эмоциональные и волевые процессы, которые в ходе деятельности личности влияют на дальнейший ход, побуждая ее к определенным действиям и поступкам.

Зная о проявлениях психических процессов и состояний, можно судить о психических свойствах, а разобравшись в этих свойствах личности, можно определить, как она себя вела и будет вести в тех или иных ситуациях, в том числе и при производстве такого следственного действия, как допрос.

Немаловажное значение этого следственного действия играет выбор момента допроса. Общеизвестно, что чем раньше лицо будет по интересующему следствие факту допрошено, тем с большей вероятностью от него будет получены более полные и достоверные показания.

Формирование показаний, особенно у лиц, совершивших убийства, происходит в ситуации, вызывающей у человека сильные эмоциональные и интеллектуальные реакции.

Во время допроса эмоции и чувства имеют два свойства, внутреннее и внешнее проявление, это субъективное переживание и вегетативно-двигательный компонент, которые проявляются в виде изменения мимики (выразительных движений лиц), пантомимики, а также в изменении химического состава крови, частоты дыхания и сердечных сокращений, наполняемости артерий и вен. Все эти внешние проявления следователь может лишь наблюдать, однако их невозможно зафиксировать в протоколе допроса, а в отдельных случаях и объяснить.

С помощью методов расчета биоритмов мы можем определить внутреннее состояние допрашиваемого лица в том или иной день с расчетом его физического, эмоционального и интеллектуального состояния, что позволит исходя из характера и темперамента лица спрогнозировать с определенной долей вероятности его поведение в тот или иной момент.

Физический биоритм (состояние) отражает изменение физических сил лица, его выносливости, уверенности, боевитости. В состоянии переутомления, которое мы можем определить, человек с сильным типом нервной системы будет проявлять себя как слабый тип со всеми вытекающими последствиями. И наоборот, человек со слабым типом нервной системы в состоянии подъема физических сил, вдохновения, будет проявлять работоспособность на уровне сильного типа.

Эмоциональный биоритм (состояние) отражает чувствительность,

импульсивность, творческие способности.

Процесс изменения состояний представляется в виде синусоиды. В положительный полупериод люди, как правило, склонны к хорошему настроению, оптимистичны, бодры и контактны, а в отрицательном полупериоде, исходя из приближения его к критическому положению, может наблюдаться эмоциональный стресс.

Здесь и выявляются значения типа психологической реактивности, динамичности и устойчивости нервной системы.

Человек может не признавать сигнал в качестве угрожающего (способ психологической защиты), в какой-то мере адаптироваться к нему, либо реагировать реакцией "панического" с утратой целесообразности действий или "срывом" с отказом от активной деятельности. Человек не может подавлять эмоции, он может лишь до известных пределов произвольно управлять внешним выражением эмоционального состояния, адресованного к мимическим мышцам, т. е. управлять своими моторными реакциями. Утверждение, что эмоция, раз возникнув как субъективное состояние человека, не может быть устранена, мы находим у П. К. Анохина. Речь идет только о переводе ее выражения с одних эффекторных аппаратов на другие. Мы с помощью исследования биоритмов можем "вскрыть" внутреннее состояние и использовать его в своих тактических действиях, для получения общей результативности допроса.

Интеллектуальной биоритм (состояние) отражает изменение реакции памяти, комбинационных способностей, ума. В положительный полупериод человеку легче дается учеба, усваивается тот или иной материал, он легче решает прочие интеллектуальные задачи, возникающие перед ним. В отрицательный полупериод, наоборот, наблюдается снижение умственной активности.

Как известно, при стрессовой ситуации первично воздействие на эмоциональную сторону, а мыслительная деятельность производна от эмоционального состояния. Эмоциональный компонент при стрессе является фоном и побуждающим мотивом, а само психическое воздействие на личность преступника разворачивается в интеллектуальной сфере и поэтому человек, имея отрицательное эмоциональное состояние при положительном интеллектуальном, быстрее и успешнее преодолевает эмоциональную напряженность, что можно использовать при производстве допроса.

Во всех трех биоритмах день перехода от положительного полупериода к отрицательному и обратно называют критическими или нулевыми днями. В эти дни человек испытывает состояние психофизической неустойчивости.

Исследование состояний субъекта преступлений на первоначальном этапе расследования позволяет следователю в некоторой мере прогнозировать его поведение во время допроса.

ЛИЧНОСТЬ ЧЛЕНА БАНДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ БАНДИТИЗМА

В. В. Севрюков

От личности субъекта преступления зависят такие элементы криминалистической характеристики, как способ совершения преступления, предмет преступного посягательства. Характеристику личности преступника, совершающего преступление в составе банды, можно условно разложить на отдельные структурные блоки. В частности, можно расчленить сведения о личности преступника по трем периодам: до вступления субъекта в банду; в процессе его преступной деятельности в составе банды; после его разоблачения.

Применительно к первому периоду важнейшими представляются такие ее составляющие, как: социально-демографические признаки; система нравственно-психологических данных; социальная направленность (совокупность взглядов, идей, убеждений, которые стали доминантными в активной жизнедеятельности личности); сведения о прежних судимостях, рецидиве, криминальных профессиональных навыках; физические и психические черты; отношение к алкоголю, наркотикам; сведения о преступных и иных личных связях, влияющих на выбор рассматриваемой личности, и др.

Второй период включает данные, характеризующие личную роль лица в группе; о мотивах, цели и способах вовлечения в банду; о поведении на месте преступления и после его совершения.

Третий период (после его разоблачения) характеризуется поведением лица при его задержании, на следствии и в суде.

Приведенные аспекты сведений о личности участников банд имеют различную природу, значение их может быть различным: криминологическим, уголовно-правовым, криминалистическим. Важно в конечном счете то, применительно к каким областям знаний эти сведения интегрируются. С этих позиций мы и проводим этот анализ.

Результаты исследования показали, что 96% лиц указанной категории принадлежит к мужскому полу. Данная группа характеризуется молодежным возрастом (20-30 лет). Более половины (80%) членов обладали большой физической силой. И это не случайно, ибо принадлежность к мужскому полу, молодой возраст вполне сочетаются с хорошей физической силой, что является существенными чертами данной категории преступников, которые обусловлены самим характером совершаемых преступлений. К этому необходимо добавить и то, что 80% членов отличались волевым, целеустремленным, настойчивым, деятельным и смелым характером. Около одной четверти членов банды (23%) имели специальную фи-

зическую и психологическую подготовку (полученную во время службы в силовых структурах). Данная категория лиц проявляла себя по отношению к потерпевшим в большинстве случаев особо жестоко, их действия отличались наглостью и цинизмом. Причем это характерно лицам, выполняющим в бандах ведущие роли. По данным исследования, 65% членов банд ранее были судимы именно за корыстные и корыстно-насильственные преступления (разбойные нападения, грабежи, вымогательства, убийство и т. д.). Приведенные данные свидетельствуют о четко сформировавшейся криминальной профессионализации этих лиц. Кроме того, 14% данной категории лиц были признаны особо опасными рецидивистами.

В общей характеристике изучаемой личности можно выделить организаторов (лидеров) банды. Они обладают хитрым, изворотливым умом, общительным характером, умением подчинить себе других и подавить их волю. Необходимо отметить, что они были крайне жестоки не только по отношению к потерпевшим, но нередко и к членам своей банды. Более 70% лидеров банд не участвовали в общественно полезном труде, а если и работали, то лишь формально или использовали свое служебное положение для деятельности банды. Если средний возраст участников банды составляет в среднем 21-27 лет, то у лидеров он составляет 28-35 лет.

Что касается мотивов вступления в банду, то нужно отметить следующее: в 60% это объясняется стяжательством, в 70% - стремлением к "шикарной жизни", небольшой процент членов банды вступил в нее для того, чтобы выдлатить долги, среди кавказских группировок создавались банды или вступали в банды по причине кровной мести.

В банде выделяются следующие функциональные роли ее членов. Организаторы: они были не только организаторами преступной деятельности, но и являлись проводниками в жизнь преступных идей. Характерно, что это влияние распространялось и на досуг членов банды (80% из них проводили совместно свободное время в притонах, ресторанах, казино, саунах и т. д.). Конкретные исполнители: действовали на основе распределения ролей. Так, более 60% членов банды участвовали в составлении преступного плана, 40% - занимались сборами информации об объекте нападения (некоторые банды, состоящие из 12-15 человек, как правило, имели свою разведку). Заметно выделяется роль активных членов (ближайшие помощники организаторов). Это в основном ранее судимые лица, чаще рецидивисты. Также необходимо отметить, что в ряде банд на этих ролях появились лица, проходившие службу в спецподразделениях силовых структур.

Охарактеризованные выше типовые признаки личности в комплексе приобретают базовое криминалистическое значение и могут выполнять роль в раскрытии и расследовании преступлений данной категории.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ В СФЕРЕ БЫТА И ДОСУГА

А. В. Кулешов

За последнее время наблюдается тенденция увеличения женской преступности. На фоне жестокости, конфликтности и напряженности в стране увеличивается совершение женщинами насильственных преступлений - убийств, тяжких телесных повреждений, побоев и т. д. В подавляющем большинстве случаев эти преступления носят бытовой характер. По данным всесоюзной переписи осужденных, проведенной в 1989г., каждая четвертая женщина, отбывающая наказание в ИТУ, виновна в насильственном преступлении (Ю. М. Антонян. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 32.).

На основании анализа опубликованных работ представляется возможным сделать вывод, что проблемы женской преступности исследуются в основном в уголовном праве, уголовно-исполнительном праве, криминологии и явно недостаточно исследуются в криминалистике. Вместе с тем криминалистика, тесно связанная с уголовно-правовыми науками, не должна оставаться в стороне от этого явления. Она должна реагировать на него своими специфическими средствами и методами, в целях оптимизации решения криминалистических задач.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время в криминалистике имеются лишь разрозненные данные о том, что представляют из себя с криминалистической точки зрения преступления, совершаемые женщинами, какие криминалистические признаки характеризуют совершение ими этих преступлений, в чем особенности механизма совершения преступного деяния, следовой обстановки после совершения преступления. В частности, ряд авторов здесь отмечают импульсивность поведения женщины при совершении преступлений, в некоторых случаях особую жестокость, особенности в маскировке преступления, но детальной, научной проработки этих и подобных им

обстоятельств, имеющих безусловное значение для организации раскрытия и расследований этого класса преступлений, на сегодняшний день нет. Разработка данных вопросов позволила бы в большей степени индивидуализировать процесс раскрытия преступлений, поднять качество расследования на более высокий уровень.

Представляется, что такая разработка может быть осуществлена при условии выделения расследования преступлений, совершаемых женщинами, в отдельную частную методику расследования.

В настоящее время в основу создания частных методик расследования преступлений в большинстве случаев положены объективные критерии, в частности такие, как объект преступления, условия совершения преступлений и т. д. Недостатком данного подхода является то, что здесь не используются личностные особенности субъекта преступления, проявляющиеся в следах преступного деяния, имеющие значение для организации расследования.

В криминалистической литературе, посвященной методике расследования преступлений, уже высказывалось мнение о целесообразности разработки методик расследования, в качестве основы которых выступил бы субъект преступления. Положительной стороной этого подхода являлось бы использование личностных особенностей субъекта преступления в целях его раскрытия и расследования. Такое предложение было высказано Р. С. Белкиным (Курс советской криминалистики. М., 1979. Т.3. С. 212).

С учетом изложенного представляется в настоящее время необходимой и актуальной разработка методики расследования насильственных преступлений, совершаемых женщинами в сфере быта и досуга.

ОСОБЕННОСТИ МАКРОСЪЕМКИ ПРЕДМЕТОВ И СЛЕДОВ ПРИ ПРЯМОМ ОСВЕЩЕНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИМПУЛЬСНОЙ ЛАМПОЙ

В. И. Титов

Электронные импульсные лампы-вспышки являются уникальными источниками света: мощный световой поток позволяет фотографировать предметы средней яркости на расстоянии до 5-6 метров¹⁾, длительность импульса света 1/200-1/2000 секунды, что создает условия для фиксации обстановки плохо освещенных мест происшествий, не применяя штатива; спектральный состав светового потока близок к солнечному, чем обеспечивается правильная цветопередача. Данные и другие особенности ламп-вспышек усложняют процесс фотографирования, если возникает необходимость запечатлеть следы и предметы, имеющие небольшие размеры, т.е. осуществить макросъемку. Мощный световой поток "забивает" светом изображение при фотографировании с расстояния ближе одного метра, даже при максимально адиафрагмированном объективе; наводку на резкость невозможно осуществлять в свете лампы-вспышки из-за малой продолжительности импульса света и т.д.

С целью задержания большей части светового потока, излучаемого лампой-вспышкой, нами были изготовлены накладные диафрагмы с отверстиями от 1 до 6 мм. Накладная диафрагма - пластина прямоугольной формы размером 56x43x0,5 мм - укрепляется над отражателем электронной лампы-вспышки так, чтобы имеющееся в ней отверстие располагалось ниже вершины светящегося тела импульсной лампы на 1,5 см. Экспериментами, проведенными многократно, установлено, что пригодные для печати фотоснимков негативы можно получить в случаях, когда объектами съемки являются объекты средней яркости: стреляные гильзы, отпечатки пальцев на бумаге, следы топора на дереве; фотосъемка ведется на пленку 64 единицы ГОСТ, накладная диафрагма имеет отверстия 3-5 мм, объектив адиафрагмирован до отметки 8, лампа-вспышка расположена в 10 см от объекта съемки.

Вторую отмеченную выше особенность освещения объектов лампами-вспышками - кратковременность импульса света - изменить практически нельзя, и наводку на резкость рекомендуется

¹⁾ Расчет для данных: светочувствительность пленки - 64 ед. ГОСТ, диафрагма 1:4, лампа-вспышка - "ФЛЛ-5М"

осуществлять при полностью открытой диафрагме объектива, используя дневной свет, настольные лампы или электрические фонари. Рассеянный дневной свет и свет электрических ламп мощностью 100 - 150 ватт при макросъемке, когда под объектив подвешены удлинительные кольца и установлена диафрагма 1:8; 1:11 и более, практически не влияют на плотность негативов, что позволяет после наводки на резкость установить лимб затвора на отметку "В", с помощью тросика открыть затвор, осветить объект лампой-вспышкой и освободить тросик.

Третья особенность макросъемки следов и мелких предметов при освещении их лампой-вспышкой - отсутствие возможности укреплять лампу-вспышку на верхней панели фотоаппарата, как это делается в обычных условиях. Так, при фотографировании в натуральную величину и в масштабах, близких к ней, объект должен находиться на двойном фокусном расстоянии от оптического центра объектива, т.е. на расстоянии 8-10 см от лицевой стороны оправы объектива. В этих условиях большинство отечественных ламп-вспышек, если они укреплены на фотоаппарате, не освещают, практически, объекта съемки: ось конуса светового потока расположена выше оптической оси объектива фотоаппарата на 13,5 см и весь световой поток проходит над объектом съемки (данные для фотоаппарата "Зенит-12 СД", лампа-вспышка - "ФЛ-3"). Чтобы направить свет на фотографируемый объект, следует отсоединять лампу-вспышку от фотоаппарата. При этом возникает возможность направлять свет на объект съемки под равными углами, освещать его с равных расстояний.

Изыточное освещение, даваемое электронными импульсными лампами-вспышками при использовании накладных диафрагм, можно ослабить, не только уменьшая диаметр отверстий в этих накладных диафрагмах, но и укрепляя над ними светофильтры. Так, при фотографировании dna охотничьих гильз на фотопленку НК-2 негативы средней плотности нами были получены с оранжевым светофильтром с кратностью 2,8, который укреплялся на накладной диафрагме с отверстием диаметром 6 мм.

Представляется, что дальнейшее исследование техники макросъемки с использованием электронных импульсных ламп-вспышек позволит разработать наиболее оптимальную методику фотосъемки следов и вещественных доказательств при производстве следственных действий.

ПРИМЕНЕНИЕ МИНОИСКАТЕЛЯ РВМ-2М
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Е. А. Смолин

При производстве различных следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, проверки показаний на месте и др.) довольно часто возникает необходимость в обнаружении различных предметов из черных и цветных металлов, т. е. боеприпасов, оружия, холодного и огнестрельного, взрывчатых веществ, драгоценностей, документов, скрытых в земле, снегу, неглубоких лужах, стенах домов и т. д. Для этих целей используются различные металлоискатели и миноискатели. Задача поиска - отыскивать скрываемые вещественные доказательства.

Отыскивание их требует точных приборов. Хорошо известны металлоискатели и миноискатели типа "МИП", "УМИВ-1", "ИМП" и др., и среди них радиоволновый РВМ-2М, который является эффективным. Применявшимися до последнего времени вышеперечисленными металлоискателями и миноискателями можно было бы отыскивать предметы, спрятанные только при условии, если они были заключены в стальную или металлическую "рубашку" или оболочку. Иными словами, чувствительный элемент прибора реагировал исключительно на ферромагнитные материалы. Если предмет помещался, например, в деревянный корпус, воду, найти его можно лишь шупом, протыкая перед собой грунт, а вот РВМ-2М "берет" любой предмет независимо от того, стальной он, деревянный или пластмассовый.

Действие РВМ-2М основано на распознавании инородного, с точки зрения физики, тела, помещенного в однородную среду (грунт, снег, вода и т. п.). Причем между этим телом и средой объективно существуют различия в диэлектрической проницаемости и электрической проводимости. Надо только суметь зарегистрировать данные различия, что и делает миноискатель с установленной точностью.

Он снабжен антенной системой (из трех антенн), которую помещают в поисковый элемент. Напомним, в индукционных металлоискателях (миноискателях) эта часть называлась поисковой рамой. Две антенны являются передающими, они включены противофазно и расположены по краям поискового элемента, а третья, именуемая приемной, помещена между передающими антеннами.

Типовыми являются следующие две ситуации. Первая - под поисковым элементом пусто. Тогда обе передающие антенны созда-

ют равные электромагнитные поля, которые индуцируют в приемной антенне равные по величине, по направлению в разные стороны электродвижущие силы. Результат: наведенная суммарная электродвижущая сила равна нулю и сигнал на выходе миноискателя отсутствует. Ситуация вторая - под поисковым элементом что-то есть: мина, огнестрельное оружие, камень, корень дерева, даже кое-какое уплотнение и т. п. Как только в поле одной из передающих антенн появится однородный объект, электрические параметры которого отличаются от параметров среды, искажается симметрия поля передающих антенн. И тогда в приемной антенне возникает сигнал разбаланса, который детектируется, усиливается и анализируется устройством сравнения.

Их два. Они выполняют, в сущности, роль элементарных логических элементов. Каждый из них берет сигнал разбаланса на контроль. Если "нашупан" небольшой объект, например, гильза, корень, камень и т. п., размеры которого меньше половины поискового элемента, и сигнал превысил первый пороговый уровень, в головных телефонах будет прослушиваться непрерывный звук. Когда прибор "наткнется" на массивный объект (таким может быть нож, обрез ружья), сработает второе устройство сравнения. Оно зафиксирует сигнал разбаланса, превысивший второй пороговый уровень. Тогда в телефонах возникает непрерывный сигнал.

Технические характеристики миноискателя РВМ-2М

1. Тип..... радиоволновый
2. Масса прибора в целом 2,9 кг
3. Масса собственного миноискателя 1,8 кг
4. Регулировка штанги в пределах 760 до 1850 мм
5. Время непрерывной работы с одним комплектом питания (в зависимости от типа элементов источников питания тока) от 20 до 150 ч
6. Температурный диапазон применения .. от - 50°С до +50°С
7. Темп поиска положения "стоя"..... 150 кв. м/ч
"лежа"..... 80 кв. м/ч
8. Размеры поискового устройства 24x28 см

Радиоволновый миноискатель РВМ-2М не уступает зарубежным миноискателям и металлоискателям таким, как: индукционный портативный миноискатель AN/PSS-II (США), портативный радиочастотный миноискатель AN/PPS-8 (США), металлоискатель СКII фирмы "Гараст" (США).

Широкое внедрение в практику миноискателя РВМ-2М поднимает предварительное расследование на качественно новый уровень в целях установления объективной истины.

СРОКИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А.В.Ленский

Одним из показателей эффективности предварительного расследования является своевременное его окончание.

Свыше установленных УПК сроков расследовалось почти каждое второе дело следователями прокуратуры, почти каждое пятое – следователями МВД и почти каждое девятое – отделами дознания МВД.

Вместе с тем за последние пять лет во всех ведомствах процент таких дел существенно снизился.

По России в целом следователями прокуратуры сроки расследования превышались более чем в два раза чаще, чем следователями МВД, и более чем в девять раз чаще, чем отделами дознания МВД. Такое же положение и в изученных регионах (Томская область и Красноярский край).

Конечно, можно возразить, что следователи МВД и отделы дознания расследуют дела о менее сложных преступлениях, чем следователи прокуратуры. Однако если к отделам дознания это утверждение и будет справедливым, то по отношению к следователям МВД – лишь отчасти. Следователи МВД зачастую расследуют не менее, а даже более сложные дела, чем следователи прокуратуры. Особенно это относится к многоэпизодовым делам о хищениях с использованием должностного положения, квартирных и карманных кражах и тому подобное.

Данное же обстоятельство объясняется довольно просто: следователям прокуратуры значительно проще продлить срок расследования у своего непосредственного начальника – прокурора, чем следователям МВД или лицам, производящим дознание.

Вместе с тем нетерпимой является ситуация, когда расследование в форме дознания продолжается свыше шести месяцев и даже свыше одного года. И если ни в Томской области, ни в Красноярском крае таких дел не встречалось, то по России их достаточно много. В 1996 г. свыше шести месяцев до одного года дознанием было окончено 22 уголовных дела, а по одному делу дознание продолжалось даже свыше одного года.

Представляется, что если органы дознания не смогли закончить расследование до трех месяцев, оно в обязательном порядке должно заменяться следствием.

Итак, принцип быстроты предварительного производства нарушается во многих случаях и органами дознания, и следователями МВД, и следователями прокуратуры. Однако и по этому показателю эффективность следователей прокуратуры значительно ниже, чем следователей МВД и органов дознания.

ПРОТОКОЛЬНОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ДОЛЖНО ОСТАВАТЬСЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А.В.Ленский

Важнейшей формой досудебного производства по делам о незначительных преступлениях является досудебное производство в протокольной форме. При протокольном производстве малыми процессуальными силами и средствами удается добиться столь же значительных результатов, что и при производстве предварительного расследования. В литературе отмечается достаточно высокая степень эффективности досудебного протокольного производства. Между тем большой сумбур в теорию и практику уголовного судопроизводства внес Конституционный Суд Российской Федерации, признавший неконституционной ст.418 УПК РСФСР. Не разобравшись в деталях этого постановления, практические работники органов МВД и прокуратуры почему-то пришли к выводу о фактическом исключении протокольного досудебного производства из уголовного процесса вообще, и протокольное досудебное производство фактически перестало применяться. Чтобы детально разобраться в этом вопросе, позволю себе привести выдержки из рассматриваемого постановления: «Протокол об обстоятельствах совершения преступления, утвержденный начальником...у лица, в отношении которого он составлен, возникает право знакомиться с его содержанием, т.е. быть уведомленным о характере и основаниях предъявляемых государством претензий.

Судья, получив протокол и иные прилагаемые к нему органом дознания материалы о преступлении и признав их достаточными для рассмотрения в судебном заседании, вправе и обязан вынести постановление лишь о назначении судебного заседания, решая при этом только те вопросы, кото-

рые надлежит решать в такого рода актах в соответствии с общими правилами УПК РСФСР (глава 20).

Признание отдельных положений статьи 418 УПК РСФСР неконституционными и, следовательно, недействующими не препятствует применению других норм главы 34 УПК РСФСР. Возможные пробелы в уголовно-процессуальном регулировании процедуры досудебной подготовки материалов в протокольной форме, возникающие в связи с настоящим Постановлением, могут быть восполнены в правоприменительной практике органов, ведущих судопроизводство, на основе процессуальной аналогии».

Отсюда, безусловно, напрашиваются два вывода:

1. Суд не должен возбуждать уголовные дела по материалам протокольного досудебного производства. Однако, получив их, он может и должен (при наличии необходимых оснований) назначить дело к слушанию. По смыслу закона, материалы досудебного протокольного производства приравниваются к возбужденному уголовному делу.
2. Основываясь на других нормах уголовно-процессуального права, применяя аналогии при утверждении протокола, начальник органа дознания может возбудить уголовное дело и направить в суд уже возбужденное уголовное дело как результат досудебного протокольного производства. Так же точно может и должен поступить прокурор, утверждая, в свою очередь, материалы досудебного протокольного производства.

Вот почему следует признать своевременными изменения, внесенные в главу 34 УПК РФ.

Таким образом, нет никаких оснований считать, что Конституционный Суд исключил протокольное досудебное производство как самостоятельную форму предварительного производства. Протокольная форма досудебной подготовки материалов полностью оправдала себя, успешно применялась и должна применяться впредь.

Судопроизводство США базируется на дуалистичной судебной системе - системе судов штатов и федерации, которые, несмотря на их независимость и самостоятельность, являются структурными элементами единого образования. На уровне федерации имеются Верховный суд США, окружные апелляционные суды, специальные апелляционные суды, федеральные окружные суды и специальные суды первой инстанции, а также система федеральных военных судов. Система судов штатов представлена Верховным судом штата, промежуточными апелляционными судами, судами первой инстанции и низшими судами.

Разделение юрисдикции судов штатов и федерации происходит по двум альтернативным основаниям: характеру спорных правоотношений, юридической природе субъектов спорных правоотношений. По первому основанию юрисдикция судов определяется следующим образом: федеральные суды рассматривают споры по уголовным и гражданским делам, возникающие из федерального законодательства. Федеральные законы преследуют, в основном, преступления высокой общественной опасности - фелонии и гражданские дела, где сумма иска превышает 5 тысяч \$. По субъектному составу юрисдикция определяется следующим образом: споры с участием правительства США, штатов и федерации, представляемые органами власти, всегда рассматриваются судами США. Юрисдикция штатов является остаточной. Решением ВС штатов юрисдикция судов штата может быть расширена. В случае несогласия / из сторон с подобным решением оно может быть обжаловано в федеральный суд, который в случае несоответствия Конституции США отменяет это решение.

Верховный суд США является одновременно юрисдикционным и политическим органом. Как юрисдикционный орган Верховный суд США рассматривает по первой инстанции: споры между штатами, некоторые типы

дел, переданных из судов штатов, споры между штатами и федеральными органами власти, споры, в которых участвует иностранный дипломатический корпус. Как апелляционная инстанция Верховный суд пересматривает: все решения федеральных судов и специальных апелляционных судов, все решения верховных судов штатов, которые имеют отношение к федеральному законодательству и Конституции США, решения специальной судебной комиссии - мандатория. Пересмотр дел является правом Верховного суда. Как орган контроля ВС США обладает властью только над федеральными судами. Суды штатов официально не подчиняются ему. ВС США осуществляет также конституционное судопроизводство в стране. В силу этого ему принадлежит право толкования Конституции. ВС США выполняет функции законодателя, создавая новые нормы неписаного права, стандартизируя организацию правосудия (доктрина "следования прецеденту" (*trace decisis*))

Окружной апелляционный суд - это "жизненный центр федеральной судебной системы". Они созданы в 1890 году. Апелляционные округа являются территориальной основой системы судов второй инстанции на федеральном уровне. Как показывает статистика, 21,4 % дел, рассматриваемых этим органом, являются уголовными. Это наиболее часто встречаемая категория дел. Решения окружных апелляционных судов могут быть пересмотрены ВС США. Эти суды уполномочены издавать правила судопроизводства для данного апелляционного округа.

Федеральные окружные суды - низшее звено в федеральной системе судов. Это суд первой инстанции, который имеет специальную компетенцию как федеральный суд. Для целей юрисдикции вся территория штата разбита на 90 округов, с тем чтобы в густонаселенных штатах имелось 2-4 округа, а в то время как в малонаселенных - один. К специализированным судам относится палата претензий (рассматривает частные претензии лиц к Конгрессу), таможенный суд (проверка законности действий та-

можни), апелляционный суд по таможенным и патентным делам, налоговый суд (споры на основе федерального законодательства о налогах).

Системы судов штатов отличаются большим многообразием. Но их процессуальная сущность везде одинакова: каждый штат имеет 1 или несколько судов первой инстанции, рассматривающих дела по существу. Если судов несколько, то 1 из них является судом общей компетенции, а все остальные - специальной. Суды первой инстанции штата формально относятся к органам местного управления, и в ряде штатов судебное управление Верховного суда штата на них не распространяется. Эти суды рассматривают основную массу дел по существу. Территориальная подсудность определена границами судебных округов. Низшими судами в системе штата являются многочисленные магистратские, полицейские, мировые, муниципальные суды. В уголовном процессе эти суды рассматривают по существу дела средней тяжести и малозначительные преступления. По более серьезным делам эти суды могут выдавать ордер на арест, проводить первоначальную явку в суд, назначать атторнея и адвоката. Специальные суды предназначены для рассмотрения отдельных категорий дел. К ним относят наследственные суды, земельные суды, суды, рассматривающие ДТП (*traffic court*). Промежуточное звено любой судебной системы США - суд, осуществляющий апелляционное производство. Это характерная особенность судоустройства США - разделение функций 1 и 2 инстанции. Вершиной любой системы штата является Верховный суд штата - аналог Верховного суда США. В немногочисленных штатах промежуточные апелляционные суды отсутствуют, и их функции выполняет Верховный суд. Верховный суд штата рассматривает по первой инстанции наиболее важные дела штата, а как суд второй инстанции - некоторые апелляции из апелляционных судов. Полномочия верховных судов штатов не являются исключительными - когда исчерпаны все возможности системы штата, можно перенести апелляцию в систему федеральных судов.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В.Щедрин. Основные классификации мер безопасности.	3
А.К.Музеник. Сущность, содержание и формы уголовной ответственности.	5
А.М.Трухин. Понятие и виды уголовной ответственности.	8
Т.Г.Черненко. Квалификация преступлений по признаку неоднократности.	10
Д.В.Карелин, А.В.Шеслер. Развитие понятия организованной группы: исторический аспект проблемы.	12
Ю.Н.Порохов, А.В.Шеслер. Организованная группа как форма соучастия в преступлении.	14
А.В.Шеслер. Уголовно-правовые средства борьбы с ракетом.	16
Т.А.Плаксина. Некоторые спорные вопросы добровольного отказа от убийства.	18
К.Н.Шутов. К вопросу об ответственности за налоговые преступления по новому УК РФ.	20
С.А.Елиссев. Понятие разбоя в истории уголовного законодательства России.	22
А.Ф.Любарский. Общественное мнение как фактор развития уголовно-исполнительной системы.	24
Н.И.Ланкин. О дифференциации исполнения наказания в исправительных учреждениях.	26
Н.В.Киселев. Выражение диспозитивных начал в некоторых нормах нового УИК РФ.	28
В.А.Уткин. О правовом регулировании пожизненного лишения свободы.	30
Д.В.Дергунов. Пожизненное лишение свободы.	32
В.Г.Швыдкий. К вопросу о труде осужденных как средстве их исправления.	34
Д.В.Демидов. Некоторые проблемы регламентации коллективных обращений осужденных к лишению свободы.	36
Л.М.Прокументов. Содержание групповой профилактики преступлений несовершеннолетних.	38
С.А.Капитонов. Правообеспечение как способ оптимизации уголовно-исполнительной деятельности органов внутренних дел.	41
В.Д.Филимонов. Правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.	43

Г.Н.Доронин. О критериях минимального возраста уголовной ответственности.	46
М.К.Свиридов. Некоторые аспекты состязательности российского уголовного судопроизводства.	48
Ю.К.Якимович. Процессуальные вопросы назначения и производства экспертизы.	50
А.И.Данилюк. Правовые средства прокурорского надзора.	53
С.Л.Лонь. Уголовно-процессуальное регулирование.	55
Т.В.Трубникова. Практика рассмотрения уголовных дел судьей единолично.	58
В.В.Ясельская. Состязательность в стадии собирания доказательств.	62
Л.В.Майорова. Проблема реформирования предварительного следствия.	65
А.Д.Назаров. Восполнение пробелов предварительного расследования государственным обвинителем в суде.	67
А.С.Шагинян. Сравнительно-правовые аспекты заочного производства в Бельгии, Дании, России.	69
Н.Г.Стойко. Уголовная юстиция и социальная работа.	71
Е.В.Гусельникова. К вопросу об уголовно-процессуальной ответственности.	73
А.К.Аверченко. Понятие подозреваемого в проектах УПК Российской Федерации.	75
О.В.Ведерникова. Модели судебного федерализма.	77
Н.Ю.Жигалов. О совершенствовании информационного обеспечения экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов.	80
Л.П.Климович, С.П.Климович. Проблемы практической реализации уголовного законодательства по экономическим преступлениям.	82
Е.М.Стригин. Криминалистическая классификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности.	84
И.В.Чаднова. Основные вопросы организации проверки показаний на месте.	86
В.Ю.Троицкий. Применение вероятностно-статистических методов при транс-ологической идентификации.	89
В.К.Гавло, В.В.Псарева. Некоторые особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с посягательствами на водителей, автотранспортные средства и перевозимые грузы.	92
В.П.Тарасов, А.А.Максименков, А.С.Гобеев. Закон "Об оружии" и	

проблема холодного оружия в криминалистике.	94
В.В.Зырянов, Н.Н.Лученок, Ю.А.Шунков. Проблемы формирования криминалистического оружействедения как отрасли криминалистической техники.	96
В.А.Ярмак, А.С.Гобеев. Криминалистическая оценка клинкового холодного оружия с дефектом.	98
В.Ф.Зайцев, Р.И.Могутин, Г.Н.Степанов. Методология комплексной криминалистической экспертизы.	100
А.Л.Литинский, В.А.Ручкин, В.И.Шапочкин. О некоторых актуальных общетеоретических и методологических вопросах судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий. .	102
М.П.Кошманов, П.М.Кошманов, А.И.Бронников. Экспертная практика применения системы признаков почерка и ее проблемы. ...	104
В.Н.Данилов, Ф.Р.Рафиков. Об использовании специальных познаний в области почерковедения и технического исследования документов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.	106
Д.А.Мезинов. С пределах компетенции судебно-психологической экспертизы при исследовании мотивации преступного поведения.	108
А.Н.Хоменко, Е.А.Хоменко. Использование состояний личности преступника при производстве допроса.	112
В.В.Севрюков. Личность члена банды как элемент криминалистической характеристики бандитизма.	114
А.В.Кулешов. К вопросу об актуальности разработки методики исследования преступлений, совершаемых женщинами в сфере быта и досуга.	116
В.И.Титов. Особенности макросъемки предметов и следов при прямом освещении электронной импульсной лампой.	118
А.Смолин. Применение миноскаателя РВМ-2М при производстве следственных действий.	120
А.З.Ленский. Сроки предварительного расследования	122
А.В.Ленский. Протокольное досудебное производство должно оставаться в уголовном процессе	124
Б.Семухина. Судоустройство США.....	126

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Редактор В.С.Сумарокова

Лицензия ЛР140749 от 18.03.96 г. Подписано к печати 15.04.98.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная . Печать офсетная.
Печ.л. 8,25; усл.печ.л. 7,67; уч.-изд. л. 7,9.
Тираж 500. Заказ *109*.

Издательство ТГУ. 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Ротапринт ТГУ. 634029, Томск, ул. Никитина, 4